

Эркин АГЗАМ

РАССКАЗЫ

Эркин Агзам — писатель, публицист, кинодраматург. Род. в 1950 г. в Байсунском районе Сурхандарьинской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ. С 1994 г. — главный редактор журнала “Тафаккур” (“Мышление”). Автор более 10 книг рассказов и повестей, переведенных на многие языки, сценариев полнометражных фильмов. Живет в Ташкенте.

ЕРАЛАШКУРГАН

Когда разнеслась весть, что среднюю дочь приезжего покусала собака босса, мы сидели в самодельной чайхане у ворот в загородный жилой массив и резались в карты.

Да что вы говорите, когда? Ведь эта тварь ни на минуту не перестает лаять, когда же она успела сомкнуть челюсти?

Всех охватило возмущение.

— Безобразие! Форменное безобразие! — вскочил с места внештатный корреспондент Э.Сафаров. — Ну надо же, ребенка бедного приезжего! Надо написать! И напишу!

— Сядьте-ка, браток, — успокоил его аксакал. — Потом напишете. Кстати, вы уже, кажется, предпринимали такую попытку? Сначала давайте все обсудим. Согласно традициям.

Жить по традиции — кредо аксакала, поэтому он претендует на главенство и любит поучать людей.

— С этой тварью нужно кончать, иначе никому не будет покоя, — сказал шофер-дальнобойщик. — Я сам ее прикончу! Главное — найти аконит!

— Вы колесите по всему свету, разве для вас проблема найти щепотку аконита или мышьяка?

Слова кандидата наук вызвали извечное недовольство у

доцента:

— Странно вы рассуждаете, коллега. Аконит вон — в Эскиджуве! Чего там только нет! Да если захотите, вам там и верблюда с булавочную головку найдут! Подумаешь, аконит — впрочем, можно и без него обойтись — достаточно иголки обыкновенной! Надо только замешать ее в тесто или воткнуть в сырое мясо.

— Ой-ей-ей! А как к этому зверюге подойдешь! — напустил страху кандидат наук.

— Не суетитесь, братцы, примирительно сказал аксакал. Прежде всего, давайте посоветуемся с боссом. Согласно традиции.

— О чем это вы посоветуетесь? — возмутился важно восседавший торгаш. Сегодня он был не в духе — ему отказали в выдаче лицензии на небольшой магазинчик в массиве, о котором он замышлял уже год. По мнению ретивого чиновника лицензионной службы, негоже, видите ли, называть славным именем султана Улугбека из династии великого Тимура какую-то маленькую лавчонку, если бы это был супермаркет — другое дело! А то, что торгаш твердил, что Улугбеком зовут его собственного сына, никого не тронуло. А тут еще сомнительное главенство махали, на которое претендует и он. — Спросите хозяина, можно ли усыпить его собаку аконитом или иглой?!

— По-вашему, выходит, мы такие глупцы, да? — старейшина махнул рукой, будто стряхивая с отсутствующего подола пыль, и покинул чайхану, тем самым как бы продемонстрировав, что оставляет членов профсоюза, нет, скорее, дружную махаллю, без руководителя-лидера.

— Этот человек — шпион босса! — вслед ему проворчал торгаш.

— Какая несправедливость! — не унимался, как того и требовала внештатная деятельность, радетель справедливости Э.Сафаров. — Бедное дитя несчастных родителей! К тому же приезжие, без прописки!

— И не говорите! Бедолага отец, чтобы прокормить свое

семейство, как ни посмотришь, с мешком на плече, пешим ходом, — то на базар, то с базара. Один содержит семью, а работает всего лишь сторожем в санатории. Откуда у него быть лишней копейке? А врачам-то — плати!

Кто, откуда, что и как достает тоже было темой нашего разговора.

— А почему его называют приезжим? Откуда он вообще взялся? — заговорил шофер-дальнобойщик.

— А кто его знает, наверно, прибыл издалека в общем вагоне, вот и прозвали так, — сказал доцент, будучи и сам не из коренных местных жителей. — Если хотите знать, то все мы тут приезжие, брат мой, — философски заметил: — Гости на этом свете.

В это время, как будто подслушивал разговор за оградой, в воротах появился сам приезжий. Он еще не знал о случившемся, поэтому шел, как всегда, неторопливо, слегка сгорбившись, с мешком на плече.

Все вдруг насторожились. Но никто не посмел и слова проронить. Да и что тут скажешь? Тем более что подробности случившегося еще не до конца ясны. Возможно, собака лишь напугала девчонку. И потом, ведь за плохую весть суюнчи не потребуешь. Вот он сейчас доберется до дома, сам своими ушами все услышит и обо всем узнает, что тут голову-то морочить.

Поравнявшись с чайханой, приезжий на минуту опустил на землю мешок, поздоровался и, взвалив его опять на плечо, потопал дальше.

Всегда так: поздоровается и проходит мимо. Вот уже больше года он живет здесь, а в жизни махалли не участвует. А впрочем, ему и не до участия — приезжий, одним словом.

Сам он, конечно, бедный, несчастный, а живет-то в шикарном особняке. Говорят, его поселил туда для отвода глаз богатый родственник, занимающий высокий пост в республиканской прокуратуре. Между прочим, в массиве этот дом не единственный, таких особняков много: в них живет кто-то лишь

для видимости, истинного же хозяина днем с огнем не сыщешь.

И надо же, у такого низкорослого невзрачного человека три — одна другой краше — дочери, и от них без ума все неженатые парни массива. И на тебе, на средненькую из красавиц накинута ненаглядный пес босса!

Видно, отец, как только вошел в дом, вызвал “скорую помощь”: вскоре у ворот массива раздалась знакомая сирена, и мимо чайханы проскочил оборудованный под санитарную машину “Дамас”. Он нырнул в переулок и очень скоро вынырнул оттуда. Боковые стекла машины были занавешены, поэтому, что там внутри, невозможно было разглядеть.

В тот момент, когда в чайхане накалился интерес к происходящему, из переулочка вышла собравшаяся куда-то и по этому случаю принарядившаяся жена торговца. Муж, перерезавший ей путь с целью пожуричь, вскоре внес в волновавший нас вопрос некоторую ясность.

Как теперь выяснилось, оказывается, босс, разумеется за плату, поручил нуждающемуся в деньгах приезжему присмотреть за домом и, несомненно, за этим не умолкающим ни на минуту волкодавом. Бедная девушка, видно, ходила бросить ему объедки, и, когда вошла за ограду, поганый пес сорвался с цепи и прямо-таки вцепился в нее зубами. В какое место? И не спрашивайте! Как-никак девушка, говорят, пониже пояса.

— Ну, вот! — пламенный Э.Сафаров вскочил с места. До выхода на пенсию внештатный корреспондент преподавал в начальных классах школы, к этому прибавилась врожденная вспыльчивость, и он стал довольно нервным. — На это нельзя смотреть равнодушно, товарищи, нужно немедленно предпринять необходимые меры! Я — напишу! Подумаешь, начальство! Это же самое настоящее безобразие!

Находившаяся под впечатлением компания заволновалась. Теперь было не до карточной игры. В душе каждого назрел смутный протест против несправедливости, но никто не знал, что именно нужно предпринять.

— Если я сегодня же не найду аконит, считайте, что вы меня здесь больше не увидите! — в сердцах бросил шофер-дальнобойщик, слегка хулиганистый из-за того, что крутит баранку большей частью далеко от родных мест.

— Вместо того чтобы тягаться раньше времени за место главы в массиве, решили бы лучше вопрос с собакой, — неожиданно мягко произнес кандидат наук. — Давайте сделаем так: кто решит вопрос с собакой, тому и главенствовать — выдвинем и проголосуем!

Предложение прозвучало как приказ: все вдруг замолчали и один за другим покинули чайхану.

* * *

“Мы” — по формулировке Э.Сафарова — это мы, “представители вот этого народа”. Правильно говорит наш корреспондент: кто же, если не народ бывший, профсоюзный лидер — аксакал или внештатный корреспондент пусть не популярной, но многостраничной газеты Э.Сафаров (так он подписывает свои корреспонденции); два кандидата наук (один из них доцент); шофер-дальнобойщик, колящийся чуть ли не по всему свету, вдохновленный новым временем бизнесмен, норовящий открыть магазины всюду, где ему заблагорассудится, и многие другие?!

В самодельной чайхане “представители этого народа” собираются по субботам и воскресеньям, либо в полдень, либо вечером, чтобы поиграть в карты, чаще всего в “дурака”. Когда вступает в игру торгаш, делаются небольшие ставки. Аксакал, считающийся “старожилом” массива, приносит в тарелке фрукты или виноград из своего сада. Чай несут поочередно, из ближайших домов, где живут по соседству два кандидата наук. После проверок своих “точек” возвращающийся из города торгаш, проезжая мимо на красном “Дамасе”, подбрасывает пару бутылок этого проклятущего горячительного зелья. Потом, уже в

домашней одежде, с помидорами и огурцами в руках, присоединяется к компании. Ну чем не чайхана, пусть даже и без официальной регистрации!

В процессе игры говорили о том о сем. И всегда речь заходит о расплывчатой перспективе массива: об оформлении его как махалли, озеленении; благоустройстве будущей чайханы — надо бы построить павильон рядом с пока еще только топчаном. Так-то оно так, но кто все это будет делать? Ну, хорошо, оформление махалли можно поручить внештатному корреспонденту: человек он расторопный, у него бойкое перо, да и поговорить он мастак. А в остальных вопросах к кому за поддержкой обратиться? Послушайте, а наш босс?! Он хоть и не режется с нами в карты, а ведь догадался возвести стены и поставить металлические ворота у входа в жилой массив. Стоит только в массиве возникнуть проблеме с газом, светом или другими вопросами, требующими затрат, как он тут же, не спрашивая о подробностях у посланного ввести его в курс дела, лезет в карман за деньгами! Да, что ни говори, а человек он благородный! Вот только пес его... всем надоел, не походит зверюга на своего хозяина! Но, как говорится, любишь плов кушать, люби и дым от кизняка! Что ж, потерпим... можно сказать, уже привыкли. Да что там говорить, стоит на минуту прекратиться этому лаю, и кажется уже, что чего-то не хватает! Можно сказать, собачий лай — своеобразное украшение нашего массива! Ладно, хочет лаять — пусть лает, хочет рычать — пусть рычит. Собаке положено лаять — в этом и заключается ее предназначение. Оно и хорошо — время беспокойное, всяк чужой не посмеет сюда сунуться. Пусть себе лает! Так-то оно так, но...

Наконец разговор переходит к основной теме. Название массива как будущей махалли само собой ясно — Ералашкурган, тут главное, чтобы не возражало учреждение, утверждающее его; ладно, а кого изберем главой махалли? Вопрос архиважный! И тут компания, заколебавшись, распадается на две группы. Козыри, джокеры, черви, пики, трефы — все смешивается и запутывается.

Игра сама собой прекращается, и начинается то явная, то завуалированная словесная потасовка между знающим жизненные традиции и не умеющим спокойно жить, если не поучает, аксакалом и героем нашего времени бизнесменом. Один козыряет своим опытом руководителя, другой накоплениями, растущими в сейфе. А что мы? Мы — зрители, мы — не сторонники реванша, а наблюдатели. На самом деле нам все равно. Мы — простой народ, что с нас взять?!

Предприниматель, ведущий борьбу против обремененного опытом аксакала, умело использует соответствующие времени передовые формы интриги — оглядывая роскошный топчан, то и дело поглаживает его окрашенные решетки. Деревянный топчан невероятно велик и крепок, весь в резьбе и узорах — старинный, величественный. Его еле перетасили сюда восемь человек. Из приграничного заброшенного дома отдыха. Вернее, перебросили через бетонную ограду. Он стоял поломанный, облупленный в одном из заросших уголков некогда ухоженного парка. О существовании его первый узнал шофер-дальнобойщик. Оказывается, после утомительных поездок в жаркие летние дни он сбегал от своих шумных сорванцов в этот заброшенный санаторный парк и отсыпался на топчане в тени и прохладе. Инициатором же передачи в распоряжение трудового народа этого бесхозного предмета был, разумеется, радетель народа, бывший профсоюзный деятель — аксакал. Остальные заботы, в свою очередь, взял на себя предприниматель. Под его неусыпным контролем старинный топчан был отреставрирован и дважды покрыт краской бирюзового цвета. И вот, поглядите, не нужная никому груда деревашек стоит преображенная, словно обретший базарный вид буланый скакун, в коего превращается паршивая кляча, побывавшая в руках цыган. По беззастенчивому признанию “главного контролера”, на это дело ушло полкубометра чистого дерева и килограммов шесть финской краски. Смысл этих затрат примерно означал: “Ну, а что ты вложил в это дело, скупой аксакал?”

Как витийствует доцент, на этом топчане любил отдыхать, полулежа, чаевничая, неприхотливый государственный деятель, выходец из крестьян, бившийся при входе и выходе из своего кабинета о старые чарыги, подвешенные над дверью. Какое было блаженство после тягостных забот об укреплении махалли-крестьянской власти, с чайником крепкого зеленого чая на боку, взирать на пурпурные многовековые узоры топчана и предаваться сладостным думам о светлом будущем. А сегодня вот, пожалуйста, на этом топчане сидим мы — представители “того самого народа” и того времени, о котором мечтали наши деды. Меж нами карты, все мысли о том — кого бы облапошить!

Откуда только возникло это пестрое племя?

Года два тому назад наш городской дом попал под снос, и нам выделили здесь земельные участки. Из-за отдаленности от городской черты кто-то переехал сюда, кто-то — нет, кто-то построился, а кто-то только собирается — кому как по карману; а кто не смог ни переехать, ни построиться, тот “подарил”, продал, поменял, что и способствовало, в конечном счете, возникновению такого разношерстного общества и необычного жилого массива. Плодородная земля, воды в достатке. Если бы большой чиновник, одним росчерком пера даровавший таким, как мы, этот благодатный уголок, не боясь растрясти свой жирок, появлялся бы здесь время от времени, то, очевидно, смог бы себе представить, в какое цветущее место превратится этот отдаленный от столичного центра район в ближайшие три-четыре года. И тогда здесь вряд ли можно было бы встретить таких собственников, как мы! С одной стороны массив огорожен стеной некогда прославленного дома отдыха, с другой — смыкается с заросшим санаторным садом. В глубине массива выстроились в ряд новостройки. Прямо-таки крепость! Кто-то, заметив разношерстность жителей будущей махалли, назвал массив Ералашкурганом. А что, разве не так? Здесь поселились многие — начиная от шофера-дальнобойщика и простого пенсионера до бывшего министра и действующего грозного

прокурора!

* * *

Если бы на дочь приезжего не напала собака, мы так и сидели бы здесь, пока солнце не перевалит за полдень: суббота, отдых, разговоры, игра!

Когда мы вот так сидим, обычно после полудня в ворота массива въезжает серебристый “Лассети”. Босс! В этот момент все почему-то взбадриваются, кто-то, обеспокоенно оглядывается, кто-то, приложив руку к груди, приветствует его — как-никак, большой человек!

Устроившийся на заднем сиденье босс, в темных очках, устало обернувшись в нашу сторону, как подобает высокому чину, устало машет рукой: все еще сидите, ну что ж, продолжайте сидеть!

Его провожают взглядом — кто с завистью, кто с восторгом. Порой вслед ему немного судачим о нем, но так, беззлобно: мало ли что, вдруг среди нас сидит его доносчик!

Тот, кого мы называем боссом, на самом деле щупленький человек среднего роста. Но человек он влиятельный! Говорят, до недавнего времени был министром. И сейчас он на коне — пост хоть и не так велик, но чрезвычайно прибыльный, ныне он хозяин известной частной корпорации. Когда встречаешься с ним лицом к лицу, он вроде по-доброму глядит на вас, но почему-то не отрывая взгляда, чуть склонив при этом набок голову. В такие минуты не всякий решится спросить его о чем-то. Как будто, если начнет с ним говорить, случится что-то непредвиденное, недоброе. Сам же он лишь здоровается и ничего больше не говорит. Сдержанный, немногословный. А может, признавать никого не хочет? Одним словом, загадочный человек. Начальство!

В обычные дни босс появлялся раз в два дня ближе к вечеру после знойного дня одетый по-молодежному — в бейсболке, шортах — и весь вечер ни шагу не отходил от своей собаки.

Иногда, позвякивая цепями, он, подобно аристократу, степенно выгуливал своего барбоса, порой играл с ним как мальчишка, подпрыгивая и бегая, а бывало с сигаретой в зубах, сидя на раскладном стуле, молча, не отрывая взгляда, глядел на своего любимца. Одним словом, собачник!

Видели бы вы, как они гуляют по улицам массива! Впереди, шагах в десяти-пятнадцати, прокладывает путь известный своей учтивостью водитель, который, как бы предупреждая о надвигающейся опасности, разгоняет всех по сторонам. Мимо прижавшихся к забору соседей гордо шествует вслед за хозяином, фыркающая и скалящая зубы, грозный псин на поводке, прикрепленном к кожаному ошейнику поблескивающей металлической заклепкой.

А ежедневно же в полдень в “крепостных” воротах появляется серебристое “Лассети”, учтивый водитель, сидя за рулем, раскланиваясь со всеми встречными, везет Синдбаду (такова кличка собаки) корм! Именно в этот час занятая едой псина утихает на некоторое время, а жильцы начинают беспокоиться: не случилось ли чего?

После неудачной критической статьи (факты не подтвердились) Э.Сафарова эту тварь величиной со льва прозвали “бобиком” босса.

Сам босс не живет здесь постоянно. Он даже не ночевал здесь ни разу. В доме практически никого не бывает, если не считать появляющихся по воскресеньям по-современному вызывающе одетых шумных девушек и парней с визгом плещущихся в бассейне. Этот дом стоит в самом центре массива. На самом деле это и есть те самые апартаменты богача, который два года назад повесился в тюрьме. И теперь кажется, что этот роскошный особняк куплен не для хозяина, а для этого свирепого псины, будто не он сторож этих апартаментов, а апартаменты — крыша над его головой.

Босс не участвует в досуге махалли не потому, что слишком горд, а потому, что он человек занятой. Он приезжает в свой

загородный дом, чтобы пообщаться со своим любимым псом и таким образом расслабиться, отвести душу, вот и все.

Но если говорить, положи руку на сердце, то от босса никому нет вреда. Наоборот! Аксакал то и дело взимает с него на пользу махалли, приводя те или иные аргументы. Босс очень щедр и добр. В массиве наверняка не найдется дома, куда не было бы вложено его маломальского вклада. Кому цементом подсобил из своих запасов, кому досок дал, а кто-то даже положил глаз на сложенные во дворе узорчатые кирпичи, кого-то заинтересовали остатки импортного кафеля в его подвале. Он будто в долгу перед всеми за некую провинность, молча отдает все, что у него попросят. Необыкновенный, безмерно щедрый человек!

* * *

Аксакал, только-только осваивавший ритуалы молитвы, с трудом справился с полуденным намазом и вышел в коридор. К нему подскочила приехавшая помогать на каникулах внука, протягивая трубку телефона.

— Вас спрашивает дядя доцент.

— Да, учитель, в чем дело? — с некоторым недоумением произнес аксакал. Выслушав, в чем дело, спросил: — Чья эта глупая затея?

— Не поверите — моего милого соседа! — сказал доцент с долей недовольства.

— Нашла коса на камень? Ему-то что? Или у него с торгашом какие-то денежные дела?

— Этого я не знаю, аксакал, но мне точно известно, что он обижен, не получив места доцента. Говорит, что не хватило публикаций, на самом же деле — его песенка спета!

— А что хочет предпринять этот спекулянт, вы не в курсе?

— Совсем недавно, когда я стоял у ворот, он промчался на своем “Дамасе” в город. Боюсь, не случилась ли беда с его магазинами.

— Пять пальцев в рот сует, а ведь подавится!

— Так что, аксакал, действуйте, — воодушевленно произнес информатор. — Берите, как говорится, быка за рога! Знайте, мы — на вашей стороне. Надеюсь, тогда решится наш вопрос с ограждением, что скажете?

— Ладно, поживем — увидим, уважаемый, — заключил аксакал и положил трубку на место. — Кому что. Из-за клочка земли готовы горло друг другу перегрызть. Тоже мне, ученые!

Аксакал вразвалочку вышел во двор и обратился к своей старухе, занимавшейся под навесом консервированием огурцов.

— Что-то твоего младшего не видно? Опять закрылся у себя в комнате и пишет стихи?

И в самом деле, с тех пор как начались каникулы, как ни посмотришь, торчит перед зеркалом, то причесывается, то приглаживает волосы. Утром ему велели убрать металлолом, валявшийся в саду. Все как лежало, так и лежит, ничего не тронуту.

— Он спустился в подвал, говорит, что там прохладно. На головную боль жаловался. Вернулся чуть раньше вас, странный какой-то. Бледный. Не пойму что с ним.

— Позови его! — Увидев на лестнице взъерошенного сына в расстегнутой рубашке, аксакал вскипел: — Чем это вы заняты, поэт?

— Чего вы от меня хотите? — сказал сын, потирая глаза. — Каждый день дразнитесь!

— Что это сегодня по вашим волосам гребенка не прошла?!

— Вы же сами ругаетесь, за то, что я каждый день причесываюсь!

— Вымахал как каланча, а все бездельничаешь!

— Что вы ко мне пристали? — Парень неожиданно разрыдался. — Поэтом меня обзываете, я что — на ненормального похож?

— Что ж, продолжай валяться неприбранный! Тоже мне джигит! Джигит — он делом себя проявляет, вот тогда он —

джигит! Таковы традиции.

(Впоследствии он пожалел о произнесенных невзначай словах в виде отцовского поучения.)

Аксакал пребывал в состоянии растерянности. Надо же, что выдумал этот тихоня очкарик! “Кто решит вопрос с собакой, тому и главенствовать”! Тоже мне, выборщик!

Сказать по правде аксакал изначально не питал симпатии к начальству. Будучи профсоюзным лидером, он всю жизнь защищал простых тружеников и был на ножах с директорами завода. Но, к сожалению, вынужден был всегда уступать, идти на компромисс и примирение. Иначе сами трудящиеся выступили бы против него, не избрав его кандидатуру на предстоящих выборах.

Ну, а сейчас? Сможет ли он, глядя прямо в лицо боссу, сказать ему: “Дело вот в чем, уважаемый, вы должны убрать вашу собаку, таково требование махалли!”.

На самом деле — это удобный случай. Если он не справится с этим делом, то не сыскать ему уважения в Ералашкургане, да и главой махалли никогда не стать!

Аксакал невольно опустил на землю, в чистом одеянии на не метенный с утра двор, куда внуки, играя, натаскали песку и глины.

Истратив все свои сбережения на постройку этого проклятого дома, аксакал в прошлом году попал в критическое положение. Вон того баловня устроили кое-как в институт, а когда дело дошло до выплаты коммерческого взноса за учебу, оказалось что таких денег — нет. А тут еще посредник — неизвестно, помог он на самом деле или нет, затребовал большие деньги. От двух братьев в городе проку мало — находятся в тисках своих жен. И тогда беспомощный аксакал, в надежде на доброго соседа, а вдруг повезет, однажды вечером переступил через порог босса. Хозяин дома, как всегда, играл со своей собакой. Поздоровавшись, справившись о жите-бытье, он начал разговор о “злосчастной оплате”, и тогда босс, неторопливо поднявшись со своего

складного стула, полез в задний карман брюк и вытащил пачку зеленых купюр. Когда взволнованный аксакал наотрез отказался взять наличными, тот через неделю принес ему копию договора и почтовую квитанцию: о переводе денег со своего предприятия на счет учебного заведения. На заверения аксакала, что он вернет долг через два-три месяца, босс беспечно махнул рукой: “Э, бросьте вы, мы же соседи!”. А его безвозмездные вклады в дела махалли?!

Да как же после всего этого можно посметь упрекнуть его в чем-то? К тому же предстоящий вопрос с назначением главы махалли тоже не пройдет без его участия! Стоит ему только возразить — и, считай, полный крах!

Старуха чуть не уронила тарелку с абрикосами, увидев аксакала сидящим на земле:

— Ой, что это с вами?

В этот момент в окне раздался звонкий голос внучки:

— Дедуль, дедуль! Вам звонит дяденька корреспондент!

* * *

В Ералашкургане ничем не обязанный боссу был лишь один человек — Э.Сафаров!

Внештатный корреспондент, придя домой, тут же принялся ломать голову над тем, как избавиться от собаки босса. Если подумать, то больше всего от этого волкодава страдает он сам. С боссом он живет через забор. Если не брать в расчет высокую ограду — считай, почти один двор, и кажется, что эта зверюга лает у него во дворе. Раздражительный по природе, он иногда молчит-молчит, да как вскрикнет: “Заткнись, тебе говорят!” Но время появления босса корреспондент знал хорошо, и в эти периоды был нем как рыба. Заставлял себя. Терпел.

Но однажды чаша его терпения переполнилась — он сел и написал смахивающую на фельетон статью “Собака начальника” и отнес в многостраничную газету, с которой сотрудничал.

Прочитав ее, знакомый редактор сказал: “Э, если об этом узнает уважаемый акахан, он обидится на нас! Ну зачем сразу писать в газету — а, Сафаров?!” — и вернул статью.

Обиженный внештатный корреспондент на некоторое время даже прервал отношения с испытанной газетой.

“Надо обратиться к боссу с открытым письмом от имени махалли! Иного выхода нет, раз никто не смеет говорить ему прямо в лицо!” — Э.Сафаров, кажется, нашел выход.

Используя весь свой журналистский опыт, корреспондент набросал текст письма. Этот текст, выражающий общественное мнение, содержал чуточку восхваления, немного просьбы и капельку требования. В одном месте был даже втиснут мягкий упрек: “К сожалению, данная собака некоторым образом мешает творческой работе внештатного корреспондента Э.Сафарова”.

Первым это обращение-просьбу-требование подписал сам корреспондент. Затем, не дожидаясь вечерних посиделок в чайхане, стал обзванивать соседей.

Бизнесмен был в городе, жена сообщила. Оказывается, уехал проведать свои магазины. Этот, с загребущими руками, хочет открыть лавку даже рядом с чайханой. Возможно, в этом деле он не прочь заполнить кое-что и от босса. Ведь лавку надо чем-то заполнить, иначе, кто станет ходить в полупустую торговую точку, будь она хоть и под славной вывеской?! А если ему еще помогут отваживать милиционера да налогового, то ему будет все равно — пусть хоть десять собак рвут глотки. Ему бы только магазины открывать. Голова его только этим и занята.

Дальнобойщик тоже куда-то пропал. Может, поехал за аконитом?

Кандидат наук, выдвинувший условия в чайхане, наотрез отказался подписывать письмо. Видите ли, босс помог ему с установкой телефона — ему ничего не стоит и аннулировать номер! А кандидату без телефона никак нельзя: в городе мать тяжелобольная лежит.

Доцент сказал, как отрезал:

— Прошу вас, корреспондент, не вмешивайте меня в это дело! Терпеть не могу групповщину! Это же, в конце концов, несерьезно!

Э.Сафаров тоже уколол его:

— Говорите уж начистоту, друг мой! Разве не вы хвалились, что ваш директор неразлейвода с боссом?!

Аксакал, выслушав текст письма, на некоторое время предался размышлениям вслух, а затем выразил следующее мнение:

— Не будет ли это неучтивостью, брат? Как-никак, большой человек!

— Если большой человек, то пусть усмирит свою собаку! Неужели такому человеку это не под силу?

— Ладно, ладно, не будем кипятиться, — сказал аксакал, остужая его пыл. — Давайте сделаем так. Сафарбай, а нельзя ли это заявление предъявить без подписи?

Корреспондента обидела не бестолковость, свойственная старикам, — не до этого теперь, его задела форменная некомпетентность будущего главы жилого массива:

— Письмо без подписи считается анонимкой, аксакал!

— Ну и пусть так считается, главное, чтобы дошло до адресата!

— И кто ж его доставит?

— Кто? — Аксакал вновь пустился в рассуждения. — Вручать ему лично в руки, думаю, не совсем удобно, братец. А что если письмецо это тихонечко подбросить ему под ворота, а?

— И кто же подбросит?

Аксакал безмолвствовал.

— Ну, так вы и подбросьте!

— Я?!

— А кто из нас претендует на должность главы — вы или я?!

В трубке на мгновение воцарилась тишина, затем раздался щелчок — на том конце положили трубку.

Э.Сафаров разорвал письмо на мелкие куски и, выбежав во

двор, вдруг заорал что есть мочи:

— Заткнись, тебе говорят! Пение под фонограмму и то так не надоедает!

* * *

На вечернее карточное застолье явились все, кроме Э.Сафарова. У того поднялось давление, и он пребывал дома. Так ему и надо! Пасквильянт, оговорщик!

Мы сидим как дружные соседи, лучшие на свете друзья, как будто между нами ничего не произошло. Все те же разговоры, та же обстановка. Новость состояла лишь в том, как про то узнал дальнобойщик, что в почти разорившемся доме отдыха назначен новый директор. Поговаривают, что из “крутых”.

Однако не успели мы разрезать дыню, принесенную великодушным бизнесменом, как произошло непредвиденное обстоятельство: собака босса, придававшая нашему застолью “привычную обстановку”, вдруг замолкла! Тишина! Странное ощущение — все переглядываются, будто что-то потеряли, наострили уши: уж не произошло ли чего?

Не прошло и пяти минут, как со стороны садовой улицы раздался пронзительный крик девчушки:

— Дедуль! Деду-уль! Вас бабуля зовет. Велела быстро идти домой! Быстро!

— Надо же, внучка моя! — Аксакал, приготовившийся отведать сладкой дыни, тяжело поднялся с места. — Чего кричишь? Тоже мне, “бабуль, дедуль”, будто узбекских слов не знает! В чем там дело?!

В чем дело — выяснилось. Умопомрачительное событие! Младший сын аксакала застрелил босса!

Дыня осталась нетронутой, карты — врассыпную.

Ну и денек выдался сегодня!

Вскоре мимо чайханы промчались две “скорых”. Теперь не было сомнения в том, что произошло ужасное событие.

Всем, кто слышал об этом, хотелось увидеть все собственными глазами, но пойти на место события, переступить через порог вечно закрытых высоких ворот никто не решался. Да как же это так — застрелить такого человека!..

Подробности прояснились ближе к ночи, когда все опять собрались в чайхане, не в силах усидеть дома.

Младший сын аксакала действительно застрелил босса. Нет, он не держал зла на босса, — он пошел с целью умертвить эту проклятую псину. Тихонько подошел к дому, прицелился сквозь высокие узорчатые решетки со стороны улицы в неумно лающую собаку и, когда спустил курок, со стороны ворот неожиданно, с лоханкой в руках, выскочил босс! Одни говорят, что пуля попала ему в руку, другие (упаси господи) — в рот. Неугомонная, как и муж, жена Э.Сафарова якобы видела сквозь щель в заборе, что кровь шла ртом и носом. Все может быть.

На самом же деле свидетелями таких событий бывают только двое: те, кто это совершил, и Всевышний на небесах. А предположений рождается тысяча.

А ружье, где мальчишка взял ружье? В подвале висело, ржавое, он его нашел, прочистил, смазал и даже пару раз пульнул по воробьям, испытывая. И только после этого... А ружьишко-то это подарили аксакалу коллеги, когда тот ездил в прежние времена в Иркутск по линии профсоюза для обмена опытом. Интересно, как аксакалу удалось провести это огнестрельное оружие через всю страну? Наверное, те, кто подарил, справили ему удостоверение. Подумаешь, обычное охотничье ружье, зачехлил и привез.

А мальчишка, где сейчас мальчишка? Говорят, деру дал. Никто не знает, куда он делся. Преступник, одним словом! И вот теперь наш аксакал на улицу носа не кажет, схватившись за сердце, лекарства глотает. И все повторяет: “Я виноват, это я виноват!” В милицию об этом событии почему-то не сообщили.

А в чем, собственно, причина того, что этот подросток дошел до такой жизни — взялся за ружье и пошел против пса не кого-

нибудь, а самого босса? Отомстить хотел. Ведь он по уши влюблен в эту несчастную дочь приезжего! В последнее время только тем и занимался, что писал про нее стихи. Ах, вот оно что! Ну и дела, вот ведь как бывает, когда теряют голову от любви!

На другой день — мы как всегда сидели в чайхане — появились пять живодеров с сетями, с шумом-гамом отловили и поместили в фургон машины виновника всех бед — зубастого бобика босса — и увезли. В этот день детвора массива повеселилась как никогда — они бежали за машиной, гавкая и улюлюкая до самого шоссе.

Через два-три дня по массиву разнесся панический слух: слышали, босс-то наш взбесился! Заразился от ненаглядного песика своего!

(Нашлись и такие, которые злорадствовали: “Так ему и надо, по заслугам ему!”). Завтра-послезавтра приедут инфекционисты, возьмут у всех кровь на анализ. Следовательно, и дочь приезжего... Ну да, ее псина ткнула пониже пояса, в видное место, теперь ее в больнице сорок дней будут колоть в живот!

Вообще, во всех этих невзгодах многое было неясно и запутанно. А разве в жизни бывает по-другому?

Босс больше не появлялся. Говорили, что он выставил свой роскошный дом на продажу. Сначала прошел слух, что кто-то его купил. Да неправда. Хозяин слишком дорого запросил. Да ведь он был таким щедрым, великодушным человеком?! На этом доме словно какое-то проклятие лежит.

Исчезновение босса кого-то в массиве огорчило — не удалось выполнить намеченного плана, кого-то обрадовало — можно не платить долг, нет теперь того, кто потребует его обратно.

Наш аксакал по-прежнему отсиживается дома, людей сторонится, все лекарства глотает. На душе у него кошки скребут — не явится ли кто из милиции. Мечты стать главой махалли теперь ему и в голову не приходят. Сын в бегах. Одни говорят, что в Казахстане, другие, что в Россию махнул. Одним словом, полная неизвестность.

Через два месяца среднюю дочь приезжего тихо-мирно выдали замуж за родственника — неказистого паренька из их родного кишлака. Там о шраме никто и знать не будет — сельская местность, в шароварах ходят!

Однажды “крутой” директор дома отдыха пришел с четырьмя рабочими и забрал как историческую достопримечательность наш необычайный топчан — свидетеля всех последних злоключений массива. “Пусть хоть стоимость краски отдаст!” — возмущался торгаш. Э.Сафарова, поехавшего разбираться по справедливости в скандале, вечером привезла домой директорская машина в доску пьяного. С тех пор наш внештатный корреспондент стал тише воды, ниже травы.

Ералашкурган преисполнился тишины и покоя.

*Опубликовано в журнале:
«Дружба Народов» 2009, №9
Перевод Рано Азимовой*

ЯБЛОКИ РАМАЗАНА

Он появляется ежегодно в одно и то же время, когда сходит последний снег и задувают озорные весенние ветры. Он как бы врывается вместе с ними, такой же озорной и буйный. Внезапно. На плече — да, на плече, а не в руках — потертый чемодан с надписью «Барнаул» на крышке.

Прищури́в левый глаз и неподражаемо улыбаясь, он неожиданно возникает в дверях. Затем, небрежно швырнув чемодан в сторону, как кидают мешок с барахлом, и широко раскрыв объятия, кричит напоминаящим мне беззаботное детство звонким голосом:

— Ч а н т р и м о р э - э!

А меня при виде его охватывает тревога: прощайте спокойные дни! Теперь все вокруг погрузится шум и гомон! Однако нет у меня права нарушать странный, но когда-то столь дорогой для каждого нас обычай.

— К а л а м а к а т о р э,— невольно вырывается у тебя.— Опять приехал? И снова поступать?..

— Нет, только чтоб надоедать тебе,— говорит он словно стараясь еще больше разозлить меня, обнимает за талию и, приподняв, кружит по комнате. — Друг ты мой, дружище ненаглядный! Потом, присев на корточки, он с трудом, после тысячи уловок, ухитряется открыть такой же непутевый, как сам хозяин, и такой же видавший виды чемодан. Комната наполняется запахом осенних яблок. Красными бочками в крапинку, со следами красного у основания плодоножки лежат в чемодане яблоки, невзрачные на вид яблоки местного сорта. Яблоки детства, запахи детства, от которых приятно кружится голова. И сразу многое вспоминается, ты глубоко вздыхаешь, и у

тебя тоже появляется желание обнять его и сказать: «Дружище!» Но что-то, то ли накопившееся прежде раздражение, то ли гордость препятствуют этому, и ты только недовольно ворчишь:

— Зачем ты приехал, Рамазан? Ведь все равно не поступишь!

— А если поступлю? — отвечает он, снова прищуривая левый глаз и расплываясь в улыбке. — А если поступлю?

— Не поступишь! Ей богу, не поступишь!

— Да ладно, приятель, это я так, к слову! Мне достаточно, что ты учишься. Оставим разговоры, лучше отведай этих яблок. Таких даже в райских садах не сыщешь. — Покопавшись в чемодане, он достает нечто, завернутое во много слоев бумаги. — Это тебе бабушка сузьму [С у з ь м а — домашний творог из кислого молока] прислала. Пусть, говорит, внучек себе чалоб [Ч а л о б — напиток из кислого молока, разбавленный водой] приготовит — жажду утолять. А то, говорит, бегая за городскими юбками, совсем небось умаялся!..

И чемодан, известный всему свету чемодан, после долгих шуток и прибауток наконец закрывается.

Чемодан этот Рамазан привез из Барнаула, возвращаясь после службы в армии. Помню, явился ко мне, как сейчас, неожиданно-негаданно; жил я тогда в общежитии. Всю ночь напролет рассказывал о Барнауле и о том, как служил в тех краях, рассказывал громогласно, никому не давая спать. У него это выходило так, словно он в Барнауле родился и провел всю жизнь. «У нас в Барнауле вот так, у нас в Барнауле вот эдак». Для пущей важности он сдабривал свой рассказ русскими словами. И когда тебя начинало коробить от этого словесного потока и ты его пытался прервать, Рамазан замолкал на секунду, улыбаясь до ушей, а потом продолжал как ни в чем не бывало.

Утром, увидев, как я намыливаю щеки, чтобы побриться, он со словами: «У-у, салага!..» вырвал у меня бритву и стал показывать, как бреются по-солдатски; потом достал из чемодана флакон, надушил выбритые щеки и предупредил, что задержится у меня в

гостят. А несколько дней спустя, вечером, вдруг заявил, что ему надо снова съездить в Барнаул. Я стал его отговаривать— в своем ли, мол, ты уме, что тебе там делать, раз уж отслужил... Тебя же, мол, дома ждут!.. Но он твердил в ответ: домой неохота. Получил, дескать, одно письмо... Что за письмо, я, однако, так и не узнал. После долгих уговоров мне, чуть ли не силком, удалось отправить его домой. И теперь, приезжая в город под предлогом поступления в институт, он каждый раз тихо вздыхает: «Может, мне куда податься, а, друг?» «Что, опять в Барнаул потянуло? — спрашиваю я раздраженно.— Ей-богу, у тебя, Рамазан, мозги не в порядке!» «Точно, не в порядке. Что делать, тянет меня туда. А-а, что тебе объяснять, все равно ничего не поймешь!».

Или вдруг—«Послушай!» скажет Рамазан, и, присев на край стоящего в углу чемодана, хорошо поставленным, как у диктора, голосом начинает вещать:

— Говорит Байсун! Начинаем свои передачи для байсунцев, проживающих вдали от родных мест! Послушайте новости вашего родного города!.. Ашур-лысый, отказавшись от курения наса [Нас—особо приготовленный табак, закладываемый под язык], как пережитка прошлого, перешел на сигареты (хоть была бы от этого какая-то польза, что толку, если лысый вместо шапки наденет на голову модную шляпу — все равно каждому ясно: как блестела на голове его лысина, так она продолжает светиться!), а его дед, накурившись кукнара, поругавшись с бабкой, переехал в дом к своей тетке. А теперь послушайте о событии, которое не покоя всему Байсуну. У деда Уккагара хранилась в доме жестяная коробочка. Ложась спать, он клал под подушку. Видать, коробочка была с секретом! Но когда дед умер, он прихватил ее с собой на тот свет. А мы-то надеялись! Эсанбердыев, единственный в истории Байсуна зловерный милиционер, выйдя в ставку и пройдя месяц обучения у какого-то муллы, стал носить чалму, и теперь ни одни поминки, ни одна помолвка без него не обходятся. Но однажды, проходя мимо милиции в чалме и

с клюкой в руке, он, по привычке, отдал честь...

Слушая веселую болтовню Рамазана, словно и впрямь возвращаешься в Байсун, к его удивительным, веселым людям.

—: А может, прогуляемся? — говорит он, кончив знакомить меня с «новостями». — Лагманом накормлю — до отвала!.. Небось, твой желудок переполнен четырехкопеечными пирожками из потрохов. Хорошо бы вам, студентам, скинувшись по четыре копейки, поставить памятник пирожнику, а? На площади в центре Бешагача! Это я так, в порядке совета...

Рамазану, с его отношением к жизни, нелегко было бы жить в городе. Порой на улице за него просто стыдно бывает: ходит, разинув рот, как простофиля, разговаривает во весь голос... Да и говорит чудно: трамвай называет «трехкопеечником», такси — «деньгоглотателем», ресторан у него — «регистран». Боже упаси попасться на дороге фотостудии — заорет от радости, будто золото нашел:

— О-о!.. Пошли! Пошли — запечатлеемся на портрете!

— Ну зачем тебе наши портреты?..

— Как зачем?! Странный вопрос! Зачем!.. На память! Вот ты когда-то станешь большим человеком, нос задерешь, а я приду к тебе на прием, вытащу снимок и скажу: «Во, гляди — мы же с тобой приятелями были!..»

— Ну, а дальше что?

— Как — что? Твой нос от стыда на место опустится...

— Так уж и опустится, — говорю я, поневоле начиная ему подыгрывать. — Но как бы вы хотели запечатлеться?

Тут Рамазан останавливается посреди дороги и с удовольствием, даже с упоением начинает показывать, как мы будем сидеть перед фотоаппаратом. Естественно, вокруг собирается толпа любопытных, но Рамазану все равно.

— Значит, ты сядешь на стул, вот так, нога на ногу, — расписывает он со смаком. — Глаза смотрят вперед... Вот та-ак! А я стану сзади. Хм! Моя правая рука у тебя на плече, а сам я... сам я смотрю на часы на своей левой руке! Вот так! Портрет будет

называться «Два друга!» Ну, идет?..

— Э, нет,— говорю я, снова поневоле ему подыгрывая и постепенно входя в роль. Мне вспоминается фотография отца Рамазана, где он снят со своим однополчанином — фотография в рамке висит у них дома на стене.— Нет, эта поза устарела. Еще довоенных времен!..

— Ну, тогда давай в твоей фозе! — сразу соглашается Рамазан. Он так и говорит «фозе».— Сфотографируемся по-современному, под ручку!

Я согласно киваю, и мы оба весело смеемся. Нет, как бы ты его хорошо ни знал, как бы ни был наперед раздражен — устоять перед его веселой и естественной напористостью просто невозможно. Все для него — свое, каждый встречный — как родной брат. Слово, другое — и он уже нашел общий язык с совершенно незнакомым человеком!

В столовой, едва встав в очередь, он может запросто подойти к любому и сказать: «Слушай, приятель, займи-ка вон тот столик и принеси пока чаю!» Ты ждешь, что человек возмутится — ни с того ни с сего такая бесцеремонность, но все бывает наоборот: выбранная жертва только удивленно таращит глаза на Рамазана и с какой-то непонятной покорностью отправляется на поиски пустого чайника. И Рамазан не остается в долгу — за столом он шутит, смеется, стараясь поднять настроение соседу. Он может заглянуть в хозяйственный магазин и попросить таблетку от головной боли, и будьте покойны — таблетку тут же находят. Обращается он к людям всегда грубовато, а отвечают ему почему-то спокойным, вежливым тоном.

Вот такой наш Рамазан..

Однажды он укротил самого Таша!

Таш, хулиган из хулиганов, был на Бешагаче грозой района. Не знаю, правда это или нет, но рассказывали, что он трижды был судим за поножовщину и каждый раз его из тюрьмы вызволял дядя, который ходил в больших начальниках. Таш с удовольствием вспоминал: «Да, было такое. Ну, подумаешь,

немножко пошутил!» Внешность у него была отталкивающая: невысокий рост, толстый, свисающий над ремнем живот, большая, круглая, как тыква, голова и круглое лицо, на котором едва различались узкие щели заплывших глаз. Когда он расплывался в улыбке — вас ослепляли два ряда золотых зубов. И стар, и млад — все его почтительно величали «ака», а сам он обращался ко всем по настроению, захочет — и почтенному старцу может «тыкнуть». У нашего кинотеатра с кучкой своих дружков он с утра до вечера лузгал семечки и приставал к прохожим. Пройдешь — не поклонись, считай, житья тебе не будет. «Ну, что, учитеесь? — покровительственно спрашивал он нас, похрустывая толстыми в татуировке пальцами.— Молодцы, учитеесь. Выучитеесь — и будете рисовать зайцев». Почему рисовать зайцев — я никак не мог взять в толк.

Однажды, проходя мимо кинотеатра, я подошел и почтительно поздоровался с ним. Он, как обычно, задал свой традиционный вопрос об учебе — и тут заметил стоявшего шагах в пяти от нас Рамазана.

— Эй, ты, поди-ка сюда!

— Чего тебе?! — Рамазан стоял, расставив ноги, со своим неподражаемо беспечным видом, и глядел на Таша как бы свысока.— Тебе нужно, ты и подойди!

Ну все, Рамазан, теперь ты погиб!

Но странное дело. Таш посмотрел на него пристально, и во взгляде его мне почудилась какая-то опаска. Потом, не продолжая разговора, он перевел взгляд на меня, покровительственно похлопал по плечу, повернулся— и пошел в кинотеатр!.. Он старался идти своей обычной вразвалку походкой, но в спине его проглядывалась явная напряженность. Ну и ну! Неужто испугался?.. И кого! Рамазана, который за свою жизнь и букашки не обидел!.. Правда, в тот раз при Таше его бражки рядом не было. Но, спустя несколько дней, он меня спросил: «А этот твой приятель — будь здоров! Кто он, а?» Я, как бы невзначай, бросил: «Да, уж такой. Четырежды судимый. Вот и

сейчас только вышел на свободу». После этого Таш стал первым со мной здороваться.

Когда я про это рассказал Рамазану, он очень удивился.

— А чего это я должен его бояться? Что ему, Бешагач в наследство от бабушки достался?!

Вот такой наш Рамазан!

Первым, кто благословил нас с Маликой, был Рамазан. Я тогда только познакомился с ней, изредка, по выходным дням, мы ходили в кино, в театр. И однажды, чтобы повысить культурный уровень Рамазана, еще бы — он ведь с периферии, предложил ему как-нибудь сходить в театр вместе с нами.

В тот же день он раздобыл три билета на какой-то редкий спектакль, а в антракте угощал нас мороженым с шампанским, чем расположил к себе Малику. И вдруг как будто кто его за язык тянул, так, между прочим, сказал: «Наш Байсун, Малика, не такое уж плохое место!» От волнения я даже похолодел. Малика молча улыбнулась. Провожая ее после спектакля, я попросил извинения за бестактность своего приятеля, на что она ответила: «Среди ваших друзей лучшего я еще не встречала».

Вот такой наш Рамазан!

Каждый год он приезжает в город поступать в институт. И хоть бы раз при этом вспомнил об экзаменах — вытащит учебники, что с прошлого года лежат у меня под кроватью в чемодане, да, так и не раскрыв, закинет их обратно.

— Давай лучше поговорим, приятель! — скажет он весело.

— Ведь ясно, что не поступишь, Рамазан, поезжай-ка похорошему домой, — говорю я, еле сдерживая возмущение. — Если ты поступишь, клянусь богом, я брошу учебу! Ведь про то, как ты учился в школе, ходят легенды!

— Нет-нет, ни в коем случае, я согласен всю жизнь прожить неучем, только бы ты не бросал института, а то Ташкент лишится талантливого поэта! — отвечает он, смиренно сложив руки на груди. И, хихикнув, добавляет: — Помнишь, как я по алгебре пятерку получил?!

Как не помнить. Учитель математики был у нас немного чудаковат. И вот однажды он, вызвав к доске Рамазана и не вытянув из него ни единого слова (Рамазан молчал, как попавший в плен стойкий партизан, которого пытали враги), вдруг сказал: «Хайдаров, я ставлю тебе пятерку, чтобы ты, десять лет проучившись в школе, не жалел об этом». И, действительно, вывел ему в журнале отличную оценку.

Рано утром, когда я досматриваю сладкие рассветные сны, Рамазан успевает принести к завтраку горку студенческих пирожков и свежий кефир. Потом, включив радио на полную громкость, пыля, подметает нашу комнату и дурным (никакого слуха!) голосом напевает всегда одну и ту же песню:

Будь счастливой, моя Зухраhon,
Коль тебя разлучат со мной...

После завтрака я отправляюсь в институт. Рамазан идет шататься по городу. Порой он исчезает на несколько дней. А однажды, возвратясь с занятий, я застаю его грустно жующим корку хлеба.

— Где пропал?

— Да бродил...

Потом вдруг ему приходит в голову уехать в Барнаул, и я его долго отговариваю от этой затеи.

— Ну а чем мне тогда заняться, скажи?

— Отправляйся домой.

— Как?

— Купи билет, садись на поезд и езжай!

— Мне нужен бесплатный билет.

— А где ж твои деньги? Говорил мне, что их у тебя много.

— Были, да сплыли, приятель! Что делать...

Потом я узнаю: Рамазан, разыскав своих земляков-студентов, угощал их несколько дней, приглашая то в ресторан, то в чайхану на плов. Власть погуляв за чужой счет, они весело посмеялись

над простачком Рамазаном. А теперь Рамазан пытается деньги на дорогу выклянчить у меня.

Приехав поступать в институт, Рамазан отправляется домой так же неожиданно, как появился.

— Пора, думаю, возвращаться домой, приятель!

— Только честно, езжай и не тешь себя надеждой.

— Можешь ждать меня следующим летом! Вот каков наш Рамазан!

Так уж жизнь человеческая устроена: по словам одной песни, «после радостей — неприятности по теории вероятности». А уж если человеку не повезет — начинается прямо-таки полоса невезения. Видно, в тот раз, когда похвастался я Ташу Рамазановой судимостью, эти слова ангелы благословили, напророчил — посадили Рамазана...

На следующий год он, как и обещал, снова появился со своим неизменным чемоданом и сеткой, полной яблок. Подарил Малике (я женился, мы теперь жили в своей квартире) шкуру степной лисы, которую сам, сказал, подстрелил на охоте, — прошлогоднее обещание, — пожил у нас два дня и, ничего не объясняя, взял чемодан в руки, ушел неизвестно куда. Мы и не волновались, такое с ним и раньше бывало. Но спустя три или четыре дня после его исчезновения мне прислали повестку из милиции.

Я сразу понял, что это связано с Рамазаном: так уж, видно, мне с моей мягкосердечностью и всепрощенчеством на роду написано терпеть и страдать из-за его поступков. Встретил меня неожиданно грубым окриком рыжеватый следователь с синими глазами.

— Вас придется арестовать! Доигрались, голубчик!

У меня аж в глазах потемнело. Всего несколько месяцев назад я, закончив институт, устроился на работу в редакцию газеты. Прошлым летом женился, сейчас мы ждем ребенка (жена хочет девочку, а мне, честно сказать, хочется пацана) — и вот, в такой момент попасть в милицию? За что? Что могло случиться?

Следователь ознакомил меня с делом.

Оказывается, пять дней назад Хайдаров Рамазан был задержан в поезде «Ташкент — Новосибирск» с тремя чемоданами яблок и гранат и двумя коробками винограда. Тоже небось доказывал: «Хочется мне, приятель, разок съездить в Барнаул. Погулять, повидаться с друзьями. Соскучился я по местам, где служил». Садись в вагон двое, утверждал проводник. А когда зашли в купе с понятами, почему-то второго не оказалось в вагоне. И вот, по предварительным показаниям, скрывшимся «главарем»-спекулянтом оказался я.

— Кто вам мог наговорить такую чушь?! Докажите! — возмутился я, прочитав протокол следствия.

— Ваш приятель, Хайдаров, признался! Проклятый Рамазан! Значит, сам попался в ловушку и меня решил подставить? Трусливый спекулянт!

— Пригласите его сюда немедленно! Хочу поговорить с ним с глазу на глаз! Прошу устроить очную ставку.— Возмущению моему не было предела. Порывшись, я поспешно вытащил из кармана служебное удостоверение сотрудника редакции и бросил на стол следователю.— Можете удостовериться, никакого отношения я к этому делу не имею...

Следователь без особого энтузиазма пробежал глазами мой документ, сунул его мне обратно и спросил, испытующе глядя в глаза:

— Приятель ваш и раньше занимался спекуляцией? Наверное, никогда я не прощу себе те слова, что выкрикнул тогда сгоряча.

— Может, и занимался, откуда мне знать?! Никакой он мне не друг, а просто знакомый, земляк!

— Ах, вот как? А он назвал вас своим другом, близким другом. Если я его сейчас приведу, сможете вы ему повторить то, что вы сейчас сказали?..

Я промолчал.

— Хорошо, вы свободны,— сказал следователь ледяным голосом и, расписавшись в повестке, протянул мне.— Не смогли

бы вы известить его родных, что в следующую пятницу суд? Кстати, про вас он ничего плохого не говорил. Сказал, что вы его приятель и что две ночи он ночевал у вас! И все!

Я, разинув рот, смотрел на следователя.

За два дня до суда приехали родные Рамазана — отец и брат, работавший в совхозе шофером. На отце был пахнувший нафталином пиджак, который украшали боевые медали.

И каждому встречному отец Рамазана твердил одно и то же:

— Сбежал он со свадьбы. Не любит он, видать, дочь дяди. Как только речь заходит о его женитьбе, под предлогом поступления в институт отправляется в Ташкент. И так каждый год с тех пор, как возвратился из армии. А тут еще мать тяжело больна, только и причитает: «Да неужто я так и умру, не погуляв на свадьбе сына!» Что он мог натворить?! Такой тихий, мухи не обидит.

А брат упрямо повторял:

— Да вы сами избаловали его, отец! Надо было связать ему руки и ноги арканом и насильно сыграть свадьбу. Чего ему, подлецу, не хватало, так нас опозорил!

Отец вдруг начинал сетовать на меня:

— И ты, голубчик, хорош, ведь образованный человек, умный, остановил бы своего несмышленного друга! И откуда только беда пришла...

Да и суд над Рамазаном был похож на него самого — ну просто смех! Судья, женщина средних лет в очках, двадцать лет проработавшая в суде, не могла припомнить такого необычного судебного заседания и тем более — такого странного обвиняемого. И чем больше на протяжении всего заседания она пыталась смягчить наказание (учитывая заслуги отца, сидевшего в зале в первом ряду, справку о состоянии здоровья матери и положительные характеристики самого Рамазана), тем больше сам обвиняемый врал и запутывал дело. Рамазан скорее был похож не на обвиняемого, а на циркового шута, прикидывавшегося дурачком. И вид у него был в самом деле шутовской — наголо остриженная голова, яркая пестрая рубаха с

широким отложным воротником, как будто он нарочно, для смеха, и оделся так, и постригся наголо. Он паясничал, словно все, происходящее здесь, к нему не относится, будто он пришел сюда просто так, повеселить собравшуюся публику. Когда задавали вопрос, он удивленно хлопал глазами, оглядывая каждого сидящего в зале, и затем, глядя в потолок, ляпал такое, что судья, сняв очки, то удивленно тарашила глаза, то пожимала плечами, то хваталась за голову. Рамазан же, смущенно улыбаясь, подмигивал мне. То ли ему надоело следствие, то ли его сбили с толку наставления опытных дружков, сидевших с ним в камере предварительного заключения, словом, было ясно, что он совсем одурел и устал.

— Обвиняемый Хайдаров Рамазан, вы и раньше занимались такими делами? — спрашивал судья.

— Я, Хайдаров Рамазан, родился в 1950 году в Байсунском районе. После...

— Обвиняемый Хайдаров, я не спрашиваю вас, когда вы родились. Я спрашиваю, занимались ли вы и раньше спекуляцией?

— После окончания средней школы нес службу в рядах Советской Армии. Потом...

— Потом, потом...— злилась судья.— Хайдаров!.. Мы знаем вашу биографию, вот здесь все про вас написано. Вы нам ответьте: занимались ли вы и раньше этим делом?

— Каким делом?

— Ух-х! Спекуляцией!

— Не-ет... А, занимался, занимался.

— Вот те на! На предварительном следствии вы утверждали, что никогда прежде не занимались спекуляцией?

— Вообще-то не занимался.

— А что вы мне ответили минуту назад?

— Если я скажу: не занимался, вы мне поверите?

— Ух-х! Скажите, кто ваш сообщник?

— Сообщник, сообщник... не знаю... У меня не было

никакого сообщника.

— Как же вы один смогли внести в вагон столько багажа? Может, кто-нибудь помогал вам?

— Никто не помогал, мы сами... то есть я сам все внес! Что, разве трудно поднять один чемодан? Да и было-то у меня всего четыре или пять килограммов яблок.

— Послушайте, Хайдаров, вас задержали с тремя чемоданами и двумя коробками, не так ли? Если вы утверждаете, что у вас был один чемодан, тогда остальные вещи чьи же?

— Итак, они к вам никакого отношения не имеют. Ваш сообщник или незнакомец, заметив, что за ним следят, бросил все вам и убежал? Так, что ли, Хайдаров?

— Так... Нет-нет, все вещи мои!

— Обвиняемый Хайдаров! Соберитесь с мыслями, не спешите. Может, вы себя плохо чувствуете? Может, у вас голова болит? Тогда мы прервем судебное заседание!

— Зачем? Я здоровый...

— Тогда отвечайте: куда вы направлялись с яблоками, коробками винограда и гранат? Что собирались с ними делать?

— Я ехал в Барнаул, туда, где служил в армии. Отличные места!.. Навестить своих друзей хотел. У меня их там много.

— Выходит, все эти коробки вы везли своим друзьям?

— Нет, что вы, я им прихватил четыре килограмма яблок и все, чтоб с пустыми руками не ехать.

— А виноград и гранаты? Вы их собирались там продать?

— Зачем продавать? Ведь он... Знаете, я в Барнаул...

— Барнаул, Барнаул!.. А яблоки у вас откуда?

— Что значит откуда? Из моего сада. Приезжайте к нам осенью, увидите, сколько яблок в саду, даже земля вся усыпана ими.

— И стоило оттуда тащить с собой яблоки? Для подарка могли спокойно купить в Ташкенте.

— Здешние яблоки не годятся, они с горьковатым привкусом. А у нас такие яблоки, мы их так и зовем «байсунские», совсем

иной вкус и запах. В других краях не растут такие. С виду-то они некрупные, но сладкие и сочные, попробуйте...

— Хорошо, хорошо, Хайдаров, потом попробуем...

— Отличные, однако, яблоки. Нынче и сорта пошли какие-то невкусные. Всякое прививают деревьям, что-то с чем-то скрещивают, а толку мало. Только у нас остались яблони нетронутые. Я-то сам яблочек не люблю. Съем одно и достаточно. Мутит меня от них.

— Стало быть, яблоки из вашего сада, вы везли их из дома?

— Если не верите, вон — отец сидит, брат и друзья сидят, — спросите! Сад у нас большой! Или мне принести справку на четыре килограмма яблок?..

— Хорошо, допустим, мы вам верим. Итак, вы, прихватив с собой из дома четыре килограмма этих, как вы назвали, байсунских яблок, отправились в Барнаул навестить своих друзей, с которыми вместе служили. С одним чемоданом. Так, кажется?.. Тогда встает резонный вопрос: чьи остальные коробки с виноградом и гранатами?

— Акаджан, поймите, мы хотим помочь вам. Хорошенько подумайте и скажите правду. Ведь решается ваша судьба!

— Ападжан, простите меня на этот раз! Больше не буду!

— Я вам не апа!

— Ну, вы же сами обратились ко мне «акаджан», как же мне на это отвечать? Ни имени-отчества, ни фамилии вашей я не знаю...

— Не обязательно знать мою фамилию. Я для вас гражданин судья!

— Я тогда тоже гражданин!..

— Вы теперь обвиняемый! Раз виноваты!

— Я... виноват? Виноват, простите... Судья, закрыв глаза, схватилась за голову.

Я сидел в зале и ничего не понимал. Казалось, все это происходит во сне. Разве наяву возможно такое!

Огласили приговор. Признанный виновным в спекуляции,

Хайдаров Рамазан был приговорен к одному году лишения свободы.

Рамазан стоял, слегка склонив голову и пряча глаза. Услышав приговор, он поднял голову и, посмотрев в зал, как-то странно улыбнулся. Улыбнулся, будто его отправляли не в тюрьму, а в кругосветное путешествие.

После суда, когда все его родные и друзья, ожидая чуда (сейчас выйдут, скажут: «Извините, мы пошутили. Рамазан невиновен»,— и освободят), собрались во дворе под деревом, я вдруг увидел Таша. Он шел по двору в сопровождении лейтенанта милиции.

— Что такое? — спросил он встревоженно, тоже заметив меня.

— Опять он...— ответил я многозначительно.

— Того, да?! — Большим пальцем Таш провел у горла, как бы спрашивая: «Кого-нибудь прирезал?..»

— Почти,— сказал я. Не было настроения разговаривать с ним.

Таш понимающе кивнул: «Да, силен, брат, признаю!» и ушел под конвоем милиционера. Кто знает, может, не желая отстать от Рамазана, он и в четвертый раз что-нибудь натворил.

Но тут меня окликнул до боли знакомый голос.

— Эй, стихи твои прочитал — газеты нам тут дают!

Это был Рамазан. Руки за спиной, шагал он к «черному ворону» в сопровождении охраны, и его глаза светились радостью: «Прочитал твои стихи!..»

«Вот черт, — подумал я.— И что тебе до моих стихов, лучше бы о себе подумал!» Но эгоизм пересилил: «Надо же, даже там нашел время прочесть мои стихи!..»

Глядя вслед уезжающей машине, я почему-то вспомнил песню, которую любил напевать Рамазан: «Будь счастливой, моя Зухраhon, коль тебя разлучат со мной...»

— Твой друг — круглый дурак,— сказал мне коллега-журналист, присутствовавший вместе со мной на суде, когда

мы возвращались домой.— Сам себя усадил за решетку. Ну, прямо чеховский «злоумышленник». А я читал когда-то — и не верил, что такие люди бывают в жизни...

Весь вечер я прождал у себя отца и брата Рамазана: вероятно, они обиделись на меня или, расстроенные приговором, сразу уехали в Байсун. Словом, они ко мне не пришли.

Прошло полгода с тех пор, а у меня кошки на сердце скребли — жожу или сижу, на работе нахожусь или дома — грызет меня что-то внутри: не выручил друга!.. Злюсь на себя. Ругаю Рамазана. Ругаю, а самому хочется его увидеть. Чувствую себя виноватым перед ним. Верно, он мне надоедал. Из-за него я попадал в разные истории. Может, он плут, мошенник и спекулянт, но все равно он мне друг! А теперь сидит в тюрьме... И даже не знаю, как он там. За это время я получил от него три письма, точнее три записки. В каждой из них было всего одно только слово: «Чантриморэ!..» И все!

«Чантриморэ!» — значит, все в порядке.

Чантриморэ... Каламакаторэ... Шады-глухой... Сказки нашего детства... Радость и веселье. Жил Шады-глухой возле нашей школы. Когда бы ни повстречался, всегда улыбается. Мы, мальчишки, часто дразнили его (все равно не слышит!), а он улыбается. Круглый год он ходил, закутав шею теплым платком и натянув на голову ушанку. Вечерами он усаживался на супа возле своей калитки и, закрыв глаза, покачивался из стороны в сторону, словно в такт мелодии, которую себе напевал. Временами, как бы очнувшись, кричал вслед кому-нибудь из прохожих: «Чантриморэ!» — и, если ему отвечали тем же, он выкрикивал: «Каламакаторэ!»

Дом его стоял в конце узкой, с покосившимися дува-лами улочки. Холодными зимними днями, когда ударяли сухие морозы, мы с мальчишками заливали эту улочку водой, превращая ее в сплошной каток, а сами поджидали, спрятавшись за дувалом, возвращения Шады-глухого с работы. Он, не торопясь, шел домой, не глядя себе под ноги, ступал на скользкое зеркало льда

и в тот же миг, поскользнувшись, летел вверх тормашками. Ушанка слетала с его головы, а сам он подкатывался прямо к своей калитке. Из-за забора доносились наши радостные крики: «Чантриморэ!.. Каламакаторэ!..» Шады-глухой с трудом вставал на ноги, смешно переваливаясь с боку на бок, возвращался за своей ушанкой. Потом, смешно тараща глаза, грозил нам пальцем и уходил домой. Спустя какое-то время он появлялся, наполнив полы своего халата яблоками и, выложив их горкой прямо посреди улочки на снегу, снова исчезал за калиткой. Мы, осторожно оглядываясь, по одному подкрадывались к этой кучке и, схватив каждый по яблоку, разбегались в стороны с криками «Чантриморэ!» А Шады-глухой, высунувшись из калитки, вторил нам вслед: «Каламакаторэ!»

И каждую зиму было так. Всякий раз мы заливали каток, Шады-глухой, зная об этом, неизменно растягивался на скользком льду; вставая, грозил нам пальцем, а потом угощал яблоками из своего сада. И это повторялось каждую зиму! Мы знали, что у него нет детей и что живет он вдвоем с женой в этом доме с большим яблоневым садом...

Но вот как-то раз на работе у меня зазвонил телефон и чей-то голос попросил спуститься вниз. «Кто это? — спросил я раздраженно и в ответ услышал волнуемое, знакомое: «Чантриморэ!» Сердце заколотилось у меня в груди. Вернулся! Слава богу! Но каким образом? Когда?

Быстро спустился — напротив редакции, на противоположной стороне улицы, стоит улыбается Рамазан. Он слегка изменился. Глаза ввалились, лицо осунулось. Вид небрежный — брюки и рубашка мятые.

— Ну?! — сказал я взволнованно.

— Вот, приехал.

— Как? Отпустили? Досрочно? Вроде срок еще не вышел?..

— Бежал я, приятель. Тебя захотелось увидеть, — раскрыв объятая, он пошел ко мне навстречу.

— Бежал?.. — Честно сказать, я поверил: чего только не

дождешься от Рамазана! Поверил и попятился назад.— Убирайся с моих глаз! — закричал я на него.— Видеть тебя не хочу! Оставь, пожалуйста, меня в покое!..

— И это ты так встречаешь друга, вырвавшегося из-за решетки?

Выяснилось: дело пересмотрели и дали год условно с отбыванием обязательной трудовой повинности. До истечения срока он должен был работать на кирпичном заводе, что находился за городом.

— Оправдали меня, приятель, оправдали,— все повторял он радостно.— Да и не виноват я вовсе.

— Как это ты не виноват? Ты хочешь сказать, что тебя ни за что посадили? Объясни, пожалуйста. Безвинных не сажают!

— Но меня же посадили?.. Эх, послушал бы ты — там ни у кого из них и капли вины нет. Но получается, что есть — раз сидят. Вот возьмем, к примеру, меня. Вроде, бы не виноват, а осудили. В этом-то вся штука. — Рамазан высыпал на ладонь щепотку наса и ловко закинул под язык. Он здорово изменился не только внешне — как-то посерьезнел, раньше я этого за ним не замечал. Выплюнув табак, он облегченно вздохнул и, махнув рукой, сказал: — Да что с тобой говорить, все равно бесполезно. Ведь не поверишь. Потом, как-нибудь, я тебе обо всем расскажу. Но ты все же прав: невинных людей не сажают. Вина!.. У кого ее нет, приятель? Вот эти, что с важным видом ходят вокруг нас, думаешь, чистенькие?

Рамазан в тот день заночевал у меня, а наутро отправился на работу. Работал укладчиком: надо складывать штабелями кирпичи — устаешь, кожа на ладонях покрывается волдырями, лопается. Раз в месяц ему полагался отгул. В день отдыха он приезжал в город, по старой привычке гулял, пока не проматывал всех денег и, как всегда, на обратную дорогу выпрашивал у меня.

Все тот же — наш Рамазан!

Через нолгода истек его срок. В тот же день, купив в Байсун на вечерний поезд билет, он появился у меня. Приглашай всех своих

друзей!

- Что это ты еще хочешь выкинуть?

- Давай на прощание посидим в регистране! Я угощаю!

Отпросившись пораньше с работы, я с четырьмя своими друзьями отправился в ресторан «Зеравшан», где Рамазан уже ждал нас. Он сидел улыбаясь за длинным широким столом, уставленным разными яствами, а увидев нас, присвистнул с искренней обидой:

И это все твои друзья? Бедняга! Ну и скупец же ты! Не бойся, у меня карман большой!

В тот вечер мы хорошо погуляли. И больше всех веселился Рамазан. Как только заиграл оркестр, он выбежал на середину зала и отплясывал до изнеможения. Да и танец его был похож на него самого: он то шлепал себя по коленям, отстукивая цыганочку; то шел по кругу в быстрой лезгинке; то, подбоченясь, тряс плечами, выкрикивал что-то, вопил, скакал, корчил рожи, прыгал, улыбался, хмурился, приглашал по очереди на танец сидевших за другими столиками девушек, и они, ничуть не смущаясь, выходили отплясывать с ним; Рамазан кружил вокруг девушки, гоготал, рыдал, пугал, умолял, серьезнел, печалился, радовался... Аплодисменты, смех, радостные крики...

Взгляды всех в ресторане были прикованы к Рамазану. Сегодня был его праздник, его торжество: забылись вчерашние печали, он снова в родной стихии, опять тот же неунывающий, веселый, простодушный Рамазан.

Выйдя из ресторана и простившись с друзьями, я поехал на вокзал проводить Рамазана. До отхода поезда еще было время, нам хотелось пить, и Рамазан, под этим предлогом, снова затащил меня в ресторан на вокзале. Сам он уже изрядно выпил в тот вечер. И вдруг стал изливать мне душу.

— Я тебе все скажу, слышишь... Все!.. Только не поверишь ведь, приятель. Знаю я, не поверишь! А жаль! Хоть на этот раз поверь!

Вот что он мне рассказал. В тот злосчастный день Рамазан

действительно собрался ехать в Барнаул. В ожидании поезда решил пообедать в ресторане. За столиком познакомился с пожилым человеком, как оказалось, его попутчиком. Потом Рамазан помог своему новому знакомому поднести вещи к вагону — тот злополучный чемодан и несколько коробок. Перед самым отправлением поезда к ним в купе заглянули двое мужчин. Почувст-вовав, что за ним следят, сосед по купе стал слезно умолять Рамазана выручить его и признать часть вещей своими. «Пронесет, поделимся выручкой. Меня уже знают, поймают, не миновать мне тюрьмы. А у меня жена, маленькие дети. Вы молоды, вам простят». Простачок, доб-рая душа Рамазан согласился, поверил пожилому человеку. И тут его окружили милиционеры. «Да, это мой багаж, ответил он в замешательстве.— Все мое!» Оглянулся — а того мужика и след простыл, исчез, как в воду канул.

— Ну вот, я же вижу, что ты мне не веришь. Я так и знал,— говорит Рамазан разочарованно и, махнув рукой, добавляет: — Никто не верит.

— Почему всего этого ты не рассказал на суде?

— Говорил я на следствии, тысячу раз повторял. А следователь и слушать не хотел. Не верил. А что поделаешь, коль попался в руки с поличным? Попался — отвечай. Ведь все равно не отпустят, пожурив и похлопав по плечу? Да и следствие это и предварилка — до чертиков мне надоели. А, думаю, будь что будет!

Ну, дурак! Послушаться какого-то подлеца, мошенника... И надо быть таким идиотом? Да я бы, хоть убей, не поверил ему...

— А я вот поверил, дружище, что теперь делать? Сказал, что у него семеро детей, и все девочки. И что трое уже взрослые, и пора выдавать замуж, а он работает сторожем на заводе, и денег на содержание семьи не хватает, да еще жаловался на больную печень. Поглядел бы ты на него тогда, тоже бы поверил.

— Ну и получил награду за доверие! Н тебе тоже надо было дать деру. Бросить все и бежать. Или уж сказать сразу, что эти

вещи не твои. Голова ты, голова! Пусть бы все конфисковали. Тебе-то что!

— Тогда бы его поймали! Я же обещал его выручить. Это было бы нечестно с моей стороны.

— Ух-х! — я даже завыл.— Да пусть бы его поймали и посадили за решетку! Поделом бы ему! Нет, ей-богу, ты ненормальный, слово он, видите ли, дал! Сироток пожалел — кто их, бедненьких, замуж выдаст!.. А что это был отъявленный негодяй, спекулянт высшей марки — тебе и невдомек! Они все такие жалкие...

— Это вам видней, писателям. Вы на язык остры, находчивы. Как не верить, когда убеленный сединами человек слезно умоляет помочь? Да, ладно, приятель, что теперь горевать — что было, то прошло и быльем поросло. На мир я и через решетку посмотрел, не повредило...

Обхватив руками голову, Рамазан сидел за столом и задумчиво смотрел в окно. Тихий, скромный. «Могут не нравиться его поступки, с ним можно во многом не соглашаться, но не любить его нельзя!» — подумал я.

А он, подмигнув мне, вдруг сказал:

— Сейчас подойдет новосибирский, может, махнуть мне в Барнаул, а?

— Клянусь! — сказал я сердито.— Не быть мне мужчиной, если не сдам тебя самолично в милицию! Хватит морочить голову!..— Тут я взглянул на него пристальней: на лице у него было прежнее беспечное выражение, словно ничто и ничему его так и не научило. Я вдруг почувствовал, что устал и волноваться, и возмущаться.— А, ладно!..— сказал я,— Езжай, куда хочешь! Только здесь больше не появляйся!..

Рамазан поднялся — и ушел. Когда поезд тронулся, сквозь перестук колес до меня донеслось знакомое: «Ч а н т р и м о р э - э!..» Ответ застрял у меня в горле.

Поезд уже не остановить. Ни мне, ни Рамазану. Уехал Рамазан и теперь действительно не вернется!

И вдруг люди вокруг меня и весь шумный город показались мне серыми и скучными.

Рамазан в самом деле больше не появлялся. Я слышал от земляков, что живет он в Байсуне, женился на дочерн дяди (мать, видно, уже поправилась). Построил себе дом и, поговаривают, собирается отметить рождение сына.

Прошлой осенью я был в Байсуне, ездил навестить родных. Возвращаясь с приятелем из гостей, мы проходили мимо базара. Приятель толкнул меня в бок.

— Узнаешь своего старого друга?..

Рамазан! Он стоял, засучив рукава, за прилавком перед полным ящиком яблок и громко зазывал прохожих. Червячок у меня в душе закопошился: «Не случайно его тогда осудили...» И тут же оборвал себя: «Что поделаешь, нужно кормить семью, каждый крутится, как может».

— Говорят, нынче в Барнауле яблоки не уродились, не лучше ли туда поехать продавать,— сказал я, подойдя к нему сбоку.

— О-о! Кого я вжду! — Лицо его засветилось улыбкой,— Я уж подумывал так поступить, да не было советчиков. А урожай у нас хорош — вся земля яблоками усыпана. Как говорится, яблоку негде упасть. Скоту скормить — душа болит. Не пропадать же добру,— Рамазан выбрал из кучи два крупных яблока и протянул нам с приятелем.— Попробуйте, таких и в райских садах не сыщете!

Мы немного постояли, поболтали о том о сем. Между разговором он все продолжал зазывать прохожих, наполняя их сумки, карманы, а мальчишкам просто клал за пазуху.

А почему ты денег не берешь за яблоки? — поинтересовался я.

— Родственник наш, неудобно.

— А та?

— А та знакомая, соседка...

— Если тебе действительно некуда их девать, что ж не сдашь государству?..

— А что, я ему должен? Дешево покупают!

— Ты же все равно даром отдаешь? У тебя же в Байсуне чужих нет?

- Есть! — улыбнулся Рамазан.— Вот ты, например. Человек городской, ненашенский!

Вечером он принес к нам домой целую сетку отборных яблок.

- Какой-никакой, а ты все ж поэт. Неприлично тебе, думаю, ходить по улице с авоськой, авторитет твой испортится...

«Авторитет испортится!» Это только Рамазан так может сказать!

Вот вам и Ра-ма-зан!

...Рамазан, друг, приятель, вот. но мере сил, я постарался рассказать о тебе. Не принимай близко к сердцу, если я где-то хватил лишку. Но что поделаешь, таково писательское ремесло, нельзя иначе.

Если тебя интересует моя жизнь, то живу я по-прежнему — размеренно, спокойно. (По-моему, - даже слишком!) Я не ною, не плачусь! Всего у меня хватает! И все же чувствую,— чего-то недостает! Может, больших забот, беспокойства или чего-нибудь такого, что не оставит человека равнодушным... Я не удовлетворен собой, своими делами. Все, что написал — мне кажется мелким, ненужным, незначительным. Придя па работу, ожидаешь какого-то чуда, и дома ждешь, и все напрасно!

Эти стенания не жалобы, Рамазан, а исповедь души!

Вчера ночью меня разбудил чей-то кашель. Я долго ворочался в постели, не в Силах заснуть — за стеной слышался сильный, глухой кашель, звук такой, будто вбивают гвоздь в бетонную стену. «Не дочь ли?» — подумалось мне. Сон совсем пропал. Проснулась жена и, встав, пошла проведать дочь, которая спала в соседней комнате. Возвратившись, успокоила: «За стеной соседский ребенок плачет!» И я заснул.

Почему так, Рамазан?

На прошлой неделе в полночь зазвонил телефон. Звонили из Байсуна. Оказалось, у моего земляка, живущего в Ташкенте, умер

дядя, родные просили передать ему, что утром похороны. «Извините за беспокойство в столь поздний час, но уж не откажите в помощи!» И еще тысячу извинений за причиненное беспокойство, с пожеланием всяческих благ. С работы я возвратился усталым, время было позднее, и я решил про себя: «Племянник живет на окраине города. Похороны дяди утром. Что я сейчас поеду к нему, что утром позвоню на работу — все равно на панихиду не успеваает». Ясно, что не успеваает, но...

Вот так, дома у меня стоит телефон! Мне часто звонят, просят о чем-нибудь. Почему так, Рамазан? Как бы ты поступил на моем месте?

Один из моих друзей, присутствовавший на твоём суде, как-то спросил меня: «Как поживает твой приятель-чудак, который сам себя засадил за решетку? Чем он сейчас занимается?»

А разве ты был чудаком, Рамазан? И сейчас тоже не изменился? Ты не меняешься, я знаю. Но почему изменился я? Почему я стал таким? Почему я посмеивался над тобой? Почему так и не сфотографировался с тобой, «не запечатлелся на портрете»? Будь у меня такой снимок, я бы повесил его на самом видном месте, чтобы временами он напоминал мне, как ты любишь говорить, о наших «фозах»...

Утром в субботу лень рано вставать, долго валяюсь в постели — это результат недельной бестолковой и бесполезной гонки, всяких дел. Лежу неподвижно, оцепенелый, в ожидании какого-то чуда... Вот сейчас ты ворвешься в комнату. Неожиданно. Шумный, полный забот п тревог. Привезешь с собой яблоч из своего сада. «Чантриморэ!»—скажешь ты, раскрыв объятья. «Каламакаторэ!» — отвечу я.

Что означают эти слова, Рамазан? Из какого они языка и в чем их смысл? Я не знаю, и ты тоже. Спросить бы у Шады-глухого, но его уже нет — умер в прошлом году. Что-то случилось с головой. Это после контузии. В войну получил.

Никого и ничего после него не осталось — ни детей, ни наследства. Остались только эти слова: «Чантриморэ!»

Каламакаторэ!»

Что они означают?

Мне кажется, это могли бы понять только мы двое — ты да я.

1982

Перевод К. Хакимова

ПЛЕМЯННИКИ

Скажем, в городе, в большом и шумном городе, где никто ни с кем не знаком, а если и знаком, то никогда не остановится, чтобы спокойно, не торопясь, расспросить о твоём житье-бытье и в лучшем случае, кивнув, пробегает мимо, ты неожиданно встречаешь односельчанина...

— Э-э, это вы, Хакимбай? (К примеру.) Старшенький сын мастера? (Собеседник утвердительно кивает, почесывая шею. Вот теперь-то самое время не торопясь предаться воспоминаниям!)

Гляди-ка! Когда я уезжал из кишлака, вы были еще совсем маленьким парнишкой. Выросли, вытянулись, скажите на милость! Все мы взрослеем, дружок. (Вздых.) Жизнь не стоит на месте. А в кишлаке я давненько не был. Все заботы-хлопоты, братец, времени и вовсе нет. Ох-хо-хо, Хакимбай, молодцом вырос! (Не находя больше слов, ты поправляешь на нем воротник рубашки.) Э-эй, молодец, молодец! А старик еще бодрый? (Слава богу, нашлась тема.)— Все там же трудится? В мастерской? Двери, рамы?.. Э-эх, был бы жив да здоров...

Когда я приезжал в кишлак в последний раз, мы с ним в чайхане засиделись. Замечательный человек ваш отец, так меня насмешил, что я чуть кишки не порвал. (Слушающий, очевидно, и сам знает, какой замечательный у него отец, и слегка улыбается.) Да-а-а. А как кишлак? (С искренним интересом.) Небось благоустроился, переменялся? Говорили, новый кинотеатр собирались строить? А Наби-щеголь? Все там же, работает? Забавный парень! (Кто там еще?) А шофер Асад? Здоров? Мы вместе учились. (Помнится, расквасил мне однажды нос в кровь.) Вот, не видимся, забываем друг друга! (А так ли это? Сам небось боишься ехать, чтобы тебе снова нос не расквасили. Ему, что ли, нужна ехать к тебе?) Что поделаешь, добываем свой кусок хлеба

насущенного. Такова наша участь, вот, живем, трудимся. (Ищем звезду, не замеченную Улугбеком в преданном забвению шумном царстве.)

Ну, рассказывайте, каким это ветром к нам занесло? Поразвлекся? (Не повышать же квалификацию.) Ах, дружочек. Ну тогда прошу к себе. (Интересно, осталось в холодильнике, чем горло промочить?) Побеседуем по душам... Что? (Говорит: в следующий раз. Нет, нет, чего доброго, вернется в кишлак, ославит.)

Нет, нет, ничего и слышать не хочу. Приехали из кишлака в город и не зайдете ко мне? Стыдно, братец, пошли...

Если вдруг в городе, в большом городе, где никто ни с кем не знаком, а если и знаком, то зачастую не остановится, чтобы спокойно, не торопясь, расспросить о твоём житье-бытье, а в лучшем случае, кивнув, пробегут мимо, ты неожиданно встретил бы односельчанина. Как бы ты поступил?..

...Аспирант Давран Буранов возвращался вечером из института домой. Автобус, как водится, был набит битком — ни влезть, ни вылезть — а уж если влезешь или вылезешь, то наверняка лишишься нескольких пуговиц. Пот щедро заливал лица пассажиров.

Буранов вошел в автобус на кольце и поэтому сидел довольно удобно, занятый своими мыслями и не замечая шума и толкотни. Думал он о том, как сегодня его научный руководитель Азим Саатович прочитал ему грозное нравоучение: «Торопитесь, Давранджан. Обсуждение на носу. Подумайте хорошенько о дополнительной главе. Только об этом и думайте. На следующей неделе все должно быть готово. Я прочту. Чуть расслабитесь — вылетите из очереди. Гайбуллаева вы сами знаете: он суров и строг к своим ученикам, не такой сердобольный, как я. Гак вот, откажитесь на время от всяких дружеских встреч, от всяких ненужных забот. Помните, именно сейчас вам дорога каждая минута...»

Сейчас он придет домой, примет холодный душ, откажется

от еды и сразу сядет за черновик главы, которую они приблизительно обговорили с руководителем. Нет у него ни минуты, даже, чтобы приласкать дочку. Не станет он и обсуждать с женой, какой подарок купить на свадьбу ее брату — разговор об этом ведется уже несколько дней. Дополнительная глава — и баста! Все остальные вопросы побоку. Кстати, сегодня по телевизору третья серия «Братьев Карамазовых». «Самая сильная»,— сказал Исмаил. Удивительно, как этого Исмаила хватает на все, как он успевает быть в курсе всех событий. И кино смотрит, и футбол не пропустит, и первый сдает на обсуждение свою научную работу, и еще находит время услужить своему руководителю. «Братья Карамазовы»... Вот досада-то. Но дополнительная глава! За ночь он должен написать ее вчерне. Без всяких разговоров! Черновой набросок.

Когда автобус остановился у аптеки, Буранов поглядел в окно и... вдруг увидел девочку, сиротливо топтавшуюся у самого края тротуара. В руках у нее был старенький чемоданчик. Да и по виду она резко отличалась от проходящих мимо. В глазах замешательство, растерянность, испуг. Глядит на людей тоскливым взором. По лицу видно, что она не знает куда ей деться. И как же она похожа, как похожа на его племянницу.

Сейчас Буранов выскочит из автобуса и подойдет к ней. Тихонько и незаметно дотронется до ее плеча, девочка вздрогнет и испуганно обернется: «А?» Потом минуту постоит в недоумении и с криком: «Дядя, дядечка»,— кинется ему на шею. «Я знала, я так и знала, что мы встретимся,— скажет она.— Я так и думала, что встречу вас на улице,— так оно и получилось. У меня ведь нет вашего адреса». И дядя с племянницей пойдут домой. Городская тетя — его жена, встретит их возгласом: «Девочка... приехала!» И хотя встретит она гостью приветливо, на самом деле непременно подумает: «И в этом году отпуск пропал! Господи, то одно, то другое, вечные заботы, чтоб им пусто было»,— и эти мысли тоже отчетливо отразятся на ее лице.

За ужином пойдут долгие разговоры, расспросы. А

племянница рот не закрывает: «Мама велела передать вам и тете низкие поклоны, дядечка, велела поцеловать малышку. И папа тоже. Печалются, что давно не приезжаете. Мы все соскучились. А особенно о Фирузе. Иди сюда, сестричка, я тебя поцелую... Мама сказала, поезжай прямо к дяде, не ищи никакого общежития, там народа всякого много и готовиться к экзаменам будет тяжело. Дядя тебе поможет, он ведь обещал, когда приезжал к нам, обещал помочь устроить тебя в институт. Куда мне, по-вашему, поступать, дядечка, на доктора или на артистку?» И так засидятся они допоздна в разговорах о кишлаке, вспоминая родственников до седьмого колена. Назавтра дядя поведет племянницу устраивать в институт на доктора или артистку. А там яблоку упасть негде — все сдают документы. «Справки о здоровье нет?.. Столько-то фотографий три на четыре... В аттестате отсутствует подпись учителя по труду...» — и еще какие-то претензии. «А мама сказала, что вы, дядя, все сделаете». Шум, гам, крик, целый караван личных автомашин, толпы солидных дядей, приведших своих любимых племянников и племянниц. Озабоченные, загадочные фигуры преподавателей, снующих взад-вперед, старающихся никого не слышать и не видеть. Наконец, после недельного ада — все в порядке, документы сданы. Теперь нужно садиться с ней рядышком и готовиться к вступительным экзаменам. А потом с ужасом в сердце заглядывать в окно, где идет экзамен, и смотреть, как племянница ходит этакой павой перед экзаменационным столом, (если на артистку) или мучиться, слушая, как она путает химические свойства этой, пропади она пропадом, глюкозы и фруктозы (если на доктора). Наконец выходит племянница, белая, как стена. «Провалилась, дядечка, провалилась! С какими глазами я теперь вернусь в кишлак?» — «Ладно, не плачь,— стараешься утешить ее и чувствуешь, будто сам провалился на экзамене.— В следующем году приедешь. Я тоже первый раз провалился, а на следующий год поступил, не плачь».

Назавтра племянница, обливаясь слезами, отправляется в

кишлак и, рыдая, входит в дом. «Вот говорили, что дядечка поможет, а он и пальцем не шевельнул. А я не смогла хорошо подготовиться. Тетка зловредная, ни минуты покоя не дает: помой посуду, девочка, погладь дяде брюки, девочка. Погуляй с Фирузой, девочка... А дочка ихняя такая противная, избалованная, так за мою юбку и цепляется».

Отец племянницы, только что пропустивший рюмку, возлежит на деревянной кровати под лозой винограда. Покручивая усы, он злобно глядит на жену: «А что я говорил? Так и получилось. В наше время дяди, тети, племянники — все это ерунда. «Ах, племянничек!»—ты же всегда так стрекочешь. А придет, не знаешь, куда посадить. В прошлом году пригласила в гости, и пришлось зарезать четырехлетнего барана. Теперь поняла, как твой племянничек тебя ценит? Племянничек, мол, устроит доченьку учиться на доктора! Гляди, как расхвасталась, дура! Устроил! Куриные твои мозги!»

Минуту он молчит, а затем продолжает: «Ладно, хорошо, что вер- нулась. Ип мне, это куда как хорошо. Самад-арбакеш сватал за своего сына, Что из армии вернулся, отдам с закрытыми глазами».

«Папочка, я хочу доктором быть...»

«Попробовала и хватит, доченька! Теперь и врачуй и танцуй там, куда отдадим. Кончено!»

«Мамочка-а!»

«Что поделаешь, доченька, судьба! Я ведь поверила твоему дяде, еле выпросила разрешения у отца. Что поделаешь, детка?»— бедняжка тетя вытирает слезы широким, словно мешок, рукавом.

Отец снова подает голос: «Только попробуй вспомнить о нем, о своем племяннике, посмотришь, что будет! Опозорил мою дочку. И меня опозорил. Такого племянника...»

Буранов... не сошел у аптеки. А автобус, как назло, долго стоял на остановке. Что-то скребло сердце Буранова. Он резко отвернулся от окна. «Нет, не она. Просто похожа. Разве мало

людей, похожих друг на друга? Особенно сейчас, летом... Сколько их понаехало поступать... Не она это! Не она!..»

Над ним, выпучив глаза, стоит толстуха, вся в поту от жары. Ей явно не терпится сесть. Буранов с трудом отрывается от окна — не надо глядеть!

Наконец, автобус с трудом двинулся. Через некоторое время Буранов поднял глаза и снова увидел около себя толстуху. «Что за бесстыжий парень, с каких пор жду, что уступит место, а он и не шевелится. Сначала уставился в пол, теперь не отрывает глаз от окна — девиц разглядывает,— вот уж хам невоспитанный»,— читается на ее лице. Буранов действительно не отрывал глаз от окна. Но он не разглядывал никаких девиц,— в висках, как молоточки, стучали слова: «Не она! Не она! Нет, не она!..» На каждой остановке он приподнимался, чтобы сойти, но какая-то сила вновь вдавливала его в кресло. Дополнительная глава! Укоризненный взгляд Азима Саатовича, его грозное предупреждение: «Только об этом лишь думайте! Обсуждение на носу... Решающие минуты... Способные и ловкие ученики Гайбуллаева... Исмаил... «Братья Карамазовы», третья серия... Племянница, приехавшая поступать учиться, а вместе с ней — заботы, суматоха. Нет, дополнительная глава, и баста! Сегодня ночью нужно набросать черновой вариант. Набросать — и никаких гвоздей. Нет, не она, просто показалось. Похожа и все. Но ведь ужасно похожа. Что? Нет-нет, не она это вовсе! Не она!»

Буранов пришел домой, не приласкал дочку, выбежавшую к нему с криком «пана», выпил пиалу чая и заперся в своей комнате.

Он просидел за столом больше двух часов, но так ничего и не написал. На листе бумаги чернело лишь название дополнительной главы.

А кикой у тети в кишлаке чудесный дом, с садом, с огородом! У искусственного водоема — хауза, под китайской грушей — роскошная, просто царская суфа — уляжешься на ней, протянешь руку и рви себе грунт — не хочу. А как чудесно там вечером,

ночью. Из-за виноградных плетей выглядывает луна. Теткин муж крутит усы и рассказывает, рассказывает... А уж тетка вьется вокруг тебя, как ночной мотылек. «Давранджан, плохо едите, не нравится? Что готовить, миленький? Ах, невестушка, ешьте, родная. Фирузаджан, вбзьми вот это красное яблочко...»

Каждый год, приезжая в кишлак, он прежде всего идет к тете. Ему нравится и этот райский сад, и эта ночь на царской суфе, угощения, и заботливая, такая родная тетка, и вспыльчивый, разговорчивый дядька. В прошлом году, когда он был у них, тетя сказала: «Родненький, Гульчехра хочет быть артисткой». Давран вопросительно поглядел на дядьку и улыбнулся. Тот крутил усы и молчал. Городская невестка, жена Даврана, любезно зачистила: «Пусть поступает. И никаких общежитий, у нас места хватит»,— и, откусив кусочек красного яблока, с аппетитом захрумкала им...

«Вот и хорошо,— сказала тетя.— Сами устройте, сделайте из нее человека, милые мои, поручаю ее вам».— «Постараемся. Хочешь, курносая, артисткой быть?» Сидевшая почти у самой двери Гульчехра, обнимая Фирузу, разливала чай. Она покраснела и пробормотала: «Говорят, и доктором хорошо».

Ну вот, теперь она приехала в город учиться на доктора или на артистку.

Да, кстати, почему это она стояла одна на остановке? А где же ее подруги, где спутники? Не приехала же она одна из кишлака? Стоит сиротливо и смотрит тоскливо вокруг. В руках — старенький чемоданчик. И так не похожа она на тех, что проходят мимо. А в глазах растерянность, нерешительность, испуг.

Одна в большом, многолюдном городе, на остановке, растерянно смотрит на проходящих мимо, отыскивая родного дядю в толпе незнакомых людей. (Она думает, что здесь, как у них в кишлаке... «Эй, братец, где дом Эшмата?»— «А вон пройдете тополевую рощу и прямо под старым тутовым деревом калитка».) Дурочка. Она ведь впервые попала в большой город. Куда идти, у кого спросить? Она ведь не знает, что родной ее дядя только что бесстыдно проехал на автобусе мимо, хотя и увидел ее

в окно, она не знает и того, что кто-нибудь из вот этих беззаботно проходящих мимо людей может причинить ей зло. Она не знает...

Буранова даже бросило в жар. Он спорил сам с собой, оправдывался... «Подлец, настоящий подлец». — «А может быть, это не она?» — «Неужели же ты не узнал родную племянницу? Что, у тебя чирей на глазу?» — «Времени в обрез. Ведь бывают же особые обстоятельства». — «Брось. Бывают дни, когда ты от безделья только в шахматы играешь, как это, по-твоему, расценивать? Что такое для тебя дополнительная глава? Две ночи — и все. А наставления руководителя — это так, желание припугнуть, он знает, что без грозных наставлений ты так и будешь тянуть до бесконечности. Племянницу, родную кровь, бросил одну на автобусной остановке. Закрыв глаза и проехал мимо, мерзавец, трус. Каким же нужно быть для этого подлецом. Забыл, что обещал тетке, когда она не знала, куда тебя посадить, чем накормить, как убажить? По крайней мере, вспомнил бы хоть о ней, бесчестный. Ах, боже мой, ну потратил бы один вечер, не конец же света настал бы». — «А завтра, завтра? У кого ее ль время и силы водить ее по институтам?» — «Так ведь Барно дома сидит, она в отпуске.

С утра до ночи зевает и не отходит от телевизора. Ну, помогла бы хоть документы сдать. Не чужому помогла бы, а племяннице мужа. Она ведь тоже обещала, аппетитно заедая свои обещания красными яблочками». — «Я боялся, что она не выдержит экзаменов, не поступит». — «Тоже нашел причину. Господи, ну не поступила бы, так что, всякое бывает. Ничего страшного. А может, и поступила бы. школу-то хорошо кончила. И не нуждается в твоей помощи. А может, испугался, что сдаст и будет жить у вас, как обещала твоя жена. А это лишние заботы.» — «Нет-нет, такое мне и в голову не приходило. Я думал только о работе. об обсуждении. Если мне не поторопиться, то...» — «Что? Лишишься высоких званий, веселых вечеринок, загородных прогулок? Нот в этом-то и все дело. Ты думал о том, что твой приятель Шермат пригласил тебя прокатиться за город в воскресенье. Верно? Ты

думал, как бы поскорее закончить работу и успеть к воскресенью на «обмь ванне» очередной защиты. Верно? Да-а, хорош гусь. Ну опоздал бы на сей раз обсудиться, пропустил бы свою очередь, обсудился бы в следующий раз».— «Нет, не то, не то, я совершил подлость, себялюбце, вот я кто, не хотелось нарушать спокойствие».— «Ах глупец, ах, трус, мерзкий негодяй».— «Хватит. Хватит!»

Буранов вскочил со стула, накинул на плечи пиджак и пулей вылетел из дома. Он не ответил на встревоженный вопрос жены, сидевшей с дочкой на коленях у телевизора и наслаждавшейся третьей серией «Братьев Карамазовых».

На улице он остановил такси и отправился на остановку у аптеки. Всю дорогу он смотрел то в правое, то в левое стекло... Была уже ночь, людей на улице было мало. И на остановке в свете ночного фонаря маячили какие-то полупьяные парни. «Где-то здесь недалеко должно быть общежитие мединститута. Значит, она сошла с поезда, доехала на троллейбусе до аптеки, постояла здесь, подождала дядю, а потом, расспросив людей, пошла в общежитие». Он вспомнил о том, что не сообщил тете адреса своей новой квартиры, и теперь очень жалел об этом.

В вестибюле общежития худощавый старик вахтер в выцветшей тубетейке и длинном чапане дремал на старом пожелтевшем диване. На стуле стояла электрическая плитка и на ней, булькая, кипел чай- пик. Приветливо поздоровавшись с вахтером, Буранов объяснил, что ищет племянницу.

Знаем мы таких дядьев,— неожиданно грубо заворчал дед.

Да вы поймите...

И понимать не желаю. Нас сюда зачем поставили? Для того, чтобы мы в ночь-полночь открывали двери и пускали таких дядьев, как вы?— Он неожиданно легко поднялся с места.— Взрослый человек, а стыда нет.

— Да что вы такое говорите? Вы только подумайте, что вы говорите?

— Знаем, что говорим. Отправляйтесь отсюда. Давай, давай.—

Старик подтолкнул Буранова к двери.— Такие фокусы со мной не пройдут. Дураков нету, пускать таких, а потом отвечай за вас. Даже самого господа бога не пущу, понятно? Служба у меня такая.

Буранов направился к двери и столкнулся с высоким гошом мятым парнем, который, проходя мимо, шепнул:

— Да суньте вы ему мелочишку...

Давран, считавший такие приемы позорными для себя, махнул рукой, с треском хлопнул дверью и вышел на улицу.

На остановке не было ни души, и лишь поодаль на чемодане сидела съездившаяся фигурка, опершись локтями на колени. Буранов подошел поближе. Парнишка, сидевший на чемодане, испуганно поздоровался и встал, его блестящие глаза глядели на дорогу.

— Чего ты здесь сидишь?

Парень вздрогнул, но тут же овладел собой и спокойно ответил:

— Да так...— Он посмотрел исподлобья на Буранова и осмелел:

— Мы с поезда, сторож не пускает, говорит, мест нет, приходи, мол, завтра.

— И куда ты собираешься идти?— спросил Буранов глухо.

— К брату пойдём.

— А где твой товарищ?

— Какой товарищ?

— Да ты все говоришь «мы» да «мы».

— Это я о себе.

Буранов рассмеялся. Парень, глядя на него, тоже заулыбался.

— А ты знаешь, где брат твой живет?

— Знаю. На Чиланзаре.

— Где именно на Чиланзаре? Чиланзар ведь большой.

— Найдем...— грустно улыбнулся парнишка.— На Чиланзаре. Около его дома большущий парк...

— Ты был у него раньше?

— Раньше мы не были, это брат, когда приезжал, рассказывал Любого бы рассмешила столь точная информация. Но Буранов не

рассмеялся, он потер подбородок и снова спросил:

— А у тебя адрес есть?

— Был...— Парень вдруг огорченно вздохнул.— Был, клали мы его дома в карман, а с поезда сошли — нет...

— Хм, как же ты поедешь туда?— Буранов задумался: «С виду смысленый, а на самом деле растяпа».

— А вот автобусов сколько,— сказал парень, показывая на приближающиеся к остановке автобусы.

— И ты думаешь, что все они едут на Чиланзар?

— А куда же?

— О господи, откуда ты свалился такой? Где твой брат работает? В институте культуры,— сказал парень и с гордостью добавил:

— Преподаватель.

— А чего же ты не в институт культуры поступаешь? Брат там работает...— Буранову вдруг стало неловко от своего вопроса.

— А мы хирургией интересуемся.

— Ага, прекрасно...— Буранов тронул парня за плечо.— Тогда так, товарищ будущий хирург, поедем к нам, переночуешь. А завтра найдем твоего брата. Идет?

Парень не отозвался, он снова отвел глаза в сторону, не поднимаясь со своего чемодана. Глядя на него, Буранов вспомнил, как сам впервые приехал в город. Перед дорогой мать прочла ему целое наставление: Будь осторожен, в городе в минуту очистят, и сам не заметишь». Тогда он ехал в студенческий городок к своему односельчанину на такси и не отрывал глаз от шофера: «Завезет куда-нибудь». Деньги у него были зашиты под подкладку пиджака, а в чемодане две-три смены белья и книги. Буранов улыбнулся: «И этот тоже выслушал дома наставления, уговаривать его бесполезно».

После недолгого раздумья он решил — нужно постараться испробовать все, чтобы парня хоть на эту ночь пристроить в общежитии. Парень согласился. Вахтер, увидев их, расшумелся, но Буранов воспользовался-таки советом патлатого и впервые в

жизни тайком, как вор, сунул старику деньги: «Устройте его на ночь, завтра его брат заберет». Старик деньги взял, но снова разворчался: «Где я ему найду место?» И опять помог патлаты, который разговаривал в сторонке с невысокой худенькой девушкой. «Да пустите его,— сказал он,— в нашей комнате есть место».

Буранов вышел на улицу вконец расстроенный и все думал о своей племяннице, как же он и на сей раз не расспросил, там ли она? Возвращаться не хотелось, не хотелось видеть злющего старика-вахтера. «Наверно, она не здесь. Наверно, поехала в театральный».

Он остановил такси и подъехал к театральному институту.

Здесь дежурил не старик, а приветливая пожилая женщина.

— А здесь все абитуриенты, дорогой,— сказала она с улыбкой, не выпуская из рук вязания.— Не буду же стучать во все двери ночью.

— Ее зовут Гульчехра,— сказал Буранов с надеждой.

— А здесь половина девушек Гульчехры,— засмеялась женщина.— Приходите утром, дорогой, вы найдете ее в институте.

Буранов снова вышел на улицу и остановился. Он поднял голову — во всех окнах горел свет.

Мигают; мерцают лампочки, выхватывая лица, руки. Мигают, мерцают... Разные одежды... Черные, синие, желтые — это парни; белые, красные, золотистые, голубые, зеленые — это девушки. Мигают, мерцают. Там, среди этих бликов и цветов, и Гульчехра. Но какая из них его племянница? Кто знает. Все они Гульчехры.

В эту ночь Давран Буранов вернулся домой поздно. Он устал. Нажав пальцем на дверной звонок, он вспомнил о дополнительной главе. Перед глазами мелькнуло сердитое лицо Азима Саатовича: «На время вам придется отказаться от всего. Именно в эти дни для вас дорога каждая минута...» И тут же он услышал грустный голос того паренька на остановке: «На Чиланзаре. А около дома большой парк...»

Перевод Н. Владимировой